

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 12, 2023

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2023

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 12, 2023

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 7–18.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 7-18.

Научная статья

УДК 902

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-7-18

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРАШЕНИЙ РУК ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ МЕСТНОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Кристина Викторовна Моряхина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. Изучение ремесел, в том числе ювелирного ремесла, является актуальным направлением в археологической науке. Одной из причин тому стало активное использование междисциплинарных методов исследования. Выявление технологических особенностей и анализ уровня развития ремесла позволяет получить новые сведения об этнокультурных контактах, переоценить долю импортных и местных изделий. В данной статье средневековое ювелирное ремесло Пермского Предуралья рассматривается на примере украшений рук. Внимание уделяется не только технике изготовления украшений, но и возможности для их применения, т. е. обнаруженному инструментарию на средневековых памятниках Пермского Предуралья и изученным мастерским. Для изучения техники изготовления применялись визуальный (поверхностный) и металлографический методы исследования. Первый дает представления о следах на поверхности украшения (литейные пороки, следы от молоточка и т. д.), второй – о внутреннем строении металла, структура которого изменяется в зависимости от температурного режима и применяемых техник. Среди известных пермским мастерам формообразующих техник можно выделить: литье, ковку, волочение, торсирование, тордирование, витье, вырезание по шаблону. К применяемым декоративным приемам можно отнести зернь, торсирование, чеканку, гравировку, чернение, золочение. При анализе используемых технических приемов разделялись вещи на местные и импортные, поскольку уровень ремесла характеризует только первые. Также рассматривается роль Волжской Болгарии и Древней Руси в развитии пермского ювелирного ремесла. Изучение техники изготовления позволяет проследить развитие ремесла, как со временем все больше использовались сложные техники декорирования.

Ключевые слова: украшения рук, техника изготовления, формообразующие техники, декоративные техники, средневековье, Пермское Предуралье.

Для цитирования: Моряхина К. В. Технологические особенности средневековых украшений рук Пермского предуралья и возможность их местного изготовления // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 7–18. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-7-18>

Original article

TECHNOLOGICAL FEATURES OF MEDIEVAL DECORATIONS OF THE HANDS OF PERM URAL REGION AND THE POSSIBILITY OF THEIR LOCAL MANUFACTURE

Kristina V. Moryakhina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, kmoryaxina@mail.ru

Abstract. The study of crafts, including jewelry craft, is an actual direction in archeological science. One of the reasons for this was the active use of interdisciplinary research methods. Identification of technological features and analysis of the level of craft development allows obtaining new information about ethno-cultural contacts, overestimating the share of imported and local products. In this article, the medieval jeweler craft of the Perm Cis-Ural region is considered on the example of hand embellishments. Attention is paid not only to the technique of making jewelry. The possibility of their application is considered: the discovered toolkit on the medieval monuments of the Perm Cis-Ural Mountains, workshops. To study the technique of manufacturing products, visual (surface) and metallographic methods of investigation were used. The first one gives an idea of the traces on the surface of the decoration (casting defects, traces from the mallets, etc.). The second gives an idea of the internal structure of the metal, which indicates the temperature regime and techniques of production. Among the known to the Permian masters the technician can be distinguished: casting, forging, drawing, torsion, bedding, threading, and cutting out a template. To the applied decorative methods can be classified as grains, torsion, embossing, engraving, cutting, and gilding. When analyzing the techniques used, they were divided into local and imported things. The level of craft is characterized only by local products. Also, the role of Volga Bulgaria and Ancient Russ in the development of the Perm jewelry handicraft is considered. Studying the manufacturing technique allows us to trace the development of the craft, how complex decorating techniques were increasingly used over time.

Keywords: hand decorations, manufacturing techniques, techniques for creating forms, decorative techniques, the Middle Ages, Perm Cis-Ural.

For citation: Moryakhina K. V. Technological features of medieval decorations of the hands of perm Ural region and the possibility of their local manufacture. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:7-18. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-7-18>

Введение

Изучение ювелирного ремесла, как и других видов ремесел, дает нам представление в целом об уровне социально-экономического развития населения. Давая такую оценку важно обратить внимание на соседние регионы, поскольку надо понимать возможности общества на данном этапе исторического развития, а также чтобы было возможным выявить влияние и заимствования.

В данной работе представлены результаты исследования средневекового ювелирного ремесла Пермского Предуралья на основе изучения украшения рук. Украшения рук, хоть и не являются распространенной категорией украшений у средневекового населения Пермского Предуралья, но в виду многообразия их вариантов отражают разнообразие используемых декоративных элементов, возможность применения различных техник изготовления. На основе данного материала можно достаточно полно охарактеризовать ювелирное ремесло Пермского Предуралья.

Основная часть

В ходе исследования внимание уделялось трем вопросам: техника изготовления украшений рук, возможности для применения выявленных техник (учет имеющегося бронзолитейного и ювелирного инструментария, изученных мастерских), влияние соседних территорий (Волжской Болгарии, Древней Руси) на развитие ювелирного ремесла в Пермском Предуралье.

Всего было изучено 598 украшений рук, из них 310 браслетов и 289 перстней, происходящих со средневековых памятников V–XV вв. Пермского Предуралья: 21 могильника (Антыбарский, Агафоновские I и II, Баяновский, Рождественский, Телячий Брод и др.), 14 городищ и селищ (Анюшкарское, Рождественское, Саламатовское I, Телячий Брод и др.), 2 кладов (Редикарский, Чупинский).

Определение техники изготовления происходило путем визуального осмотра (поверхностный анализ) и металлографического анализа. Украшения рук по формообразующим техникам изготовления можно разделить на пять групп: литые, кованные, вырезанные из пластины, волооченные, витые.

I. Литые (364 экземпляров: 166 перстней, 198 браслетов; рис. 1/1–3). Технику литья чаще всего использовали для изготовления украшений рук и применяли на протяжении всей эпохи средневековья (V–XV вв.). В данную группу вошло 60,8 % изделий от общего количества.

Исследователи выделяют несколько способов литья: в одно- или двухстороннюю форму, по восковой модели, «навыплеск». Для изготовления украшений рук применяли первые два способа.

Литье в односторонние формы (скорей всего, пластичные, поскольку орнамент на изделиях не идентичен) использовалось крайне редко для изготовления браслетов, и совсем не использовалось для изготовления перстней. Данным способом были изготовлены дротовые трехгранные в сечении браслеты и пластинчатые браслеты с округлым расширением на концах с имитацией зерно-сканного декора (рис. 1/4), которые составляют 4,7 % от количества литых украшений. Изделия имеют характерную особенность для такого способа литья – впалую центральную часть на фоне выступающих краев с изнаночной стороны.

Жесткие разъемные и односторонние формы для литья украшений рук не использовали. В целом такие формы встречаются крайне редко на памятниках Пермского Предуралья, и были обнаружены на Анюшкарском [Оборин, Ленц 2008: 10], Рождественском [Белавин, Крыласова 2008: 262–264], Саламатовском I [Абдулова 2012: 31], Родановском [Материальная культура 2010: 62–64] городищах, Чашкинском II [Крыласова и др. 2014: 388], Телячий Брод [Материальная культура 2010: 30] селищах. В них отливали мелкие изделия (колечки-нашивки, пронизки, поясные накладки), представленные в costume в большом количестве, или детали украшений (привесок), которые часто отпадали и терялись, а впоследствии изготавливали взамен утерянным. Таким образом, жесткие формы применяли только для изготовления массовых изделий.

Для изготовления украшений рук преимущественно применяли литье по восковой модели, на это указывает отсутствие литейных швов, полностью идентичных изделий (у однотипных вариантов имеются различия в нанесении декора, во внутреннем диаметре

украшения, толщине шинки или браслета). В виду этого для рассматриваемой территории характерна неразъемная форма (щиток и шинка представляют цельное изделие) литых перстней.

Необходимо отметить, что в Пермском Предуралье было обнаружено несколько литых перстней с разъемными концами (перстни с овальным щитком и орнаментом в виде расходящихся линий, монограмм «N», знаком бесконечности). Эти изделия относятся к древнерусскому импорту, и поэтому не учитываются при характеристике ювелирного ремесла Пермского Предуралья.

Как правило, орнамент отливали вместе с изделием и при необходимости могли дополнительно дорабатывать для того, чтобы он был более четким. Исключение составляет пластинчатый браслет с расширяющимися концами, на который был нанесен кружковый орнамент путем гравировки (процарапан).

Литые украшения декорировали геометрическим, кружковым орнаментом, завитками, псевдозернью или псевдосканью.

Литье по восковой модели было характерно не только при изготовлении украшений рук, но и гроздевидных височных колец, шумящих подвесок, колесовидных подвесок, подвесок-костыльков, зооморфных и флаконовидных пронизок и т. д.

Не вызывает сомнения, что литые украшения изготавливались средневековыми мастерами Пермского Предуралья. Во-первых, были раскопаны мастерские на опорных средневековых поселенческих памятниках – Анюшкарском [Оборин, Ленц 2008: 13], Родановском [Сарапулов 2017], Рождественском [Крыласова, Подосенова 2015: 27–41] городищах, на Чашкинском II селище [Крыласова и др. 2014: 244–245]. Во-вторых, были обнаружены слитки из олова и свинца на Саламатовском I городище [Абдулова 2011: 31; Абдулова 2013: 26; Абдулова 2014: 31], слиток из свинцовой латуни и куски медистого песчаника на Родановском городище [Сарапулов 2017, Материальная культура 2010: 62–64], слитки из меди и бронзы, куски медистого песчаника на Чашкинском II селище [Крыласова и др. 2014: 386], куски медистого песчаника на Анюшкарском городище [Оборин, Ленц 2008: 13], на селищах Володин Камень I и II [Белавин 1987: 117–130]. В-третьих, на перечисленных памятниках встречается бронзолитейный инструментарий: тигли, ложки–лячки, клещи для тиглей, формы-изложницы для отливки слитков. В-четвертых, были обнаружены бракованные изделия, обрубленные литники на Чашкинском II селище (на одной из бракованных отливок присутствует литник), на селищах Володин Камень I и II, на Калининском селище [Сарапулов 2015]. Имеются и четыре экземпляра недоделанных перстней, на которых не до конца был убран литниковый канал (рис. 1/1, 3; ложновитые перстни – Саламатовское I городище, Антыбарский могильник, Златинское местонахождение; перстень с конусообразным щитком – Баяновский могильник).

II. Кованые (193 экземпляра: 100 перстней и 93 браслета; рис. 1/5–9). Ковку для изготовления украшений рук начали применяться еще с VII в. и использовали до XIV вв. Наиболее ранние варианты кованых браслетов были достаточно примитивными и представляли собой неорнаментированную прямую платину. Но уже с VIII в. усложнили форму (появляются браслеты с отогнутыми концами) и стали делать чеканный волнообразный орнамент. При изготовлении перстней ковку начали применять с X в. до

XIII в. В погребениях раннесредневековых могильников было обнаружено три кованых перстня кон. VIII–X вв. (серебряные с янтарной вставкой), но данные изделия относятся к импорту с территории Предкавказья.

Тиснение, хоть и было известно пермским мастерам и использовалось при изготовлении подвесок монетовидной формы, для изготовления украшений рук не применялось. Исключение составляет один перстень с Чашкинского II селища, который датируется XI–XIII вв.

Кованые изделия украшали чеканным или гравированным орнаментом, зернью и торсированной проволокой, фон могли покрывать золочением или чернением.

В Пермском Предуралье в декорировании украшений рук применялась мелко-пуансонная орнаментальная чеканка (рис. 1/5,6,8), при помощи которой наносился кружковой, геометрический орнаменты или какой-то узор (например, волнистый орнамент). Чеканку использовали на протяжении VIII–XIII вв.

Чеканку применяли также для нанесения орнамента на металлических накладках на сумочках, подвесках-медальонах, погребальных масках, которые датируются X–XI вв. На первых двух типах изделий вычеканивали сложный орнамент в виде листьев, образа оленя и человека. Погребальные маски, как правило, декорировали кружковым орнаментом по краям изделия.

Гравировку (рис. 1/9) применяли только на перстнях, на браслетах не встречается гравированный орнамент. При помощи такой техники наносили сложный (например, плетенка) или геометрический орнаменты. Использование гравировки отмечается на изделиях, датирующихся XII–XIII вв.

Наиболее сложными декоративными техниками считаются зернь и скань. Пермские мастера стали украшать зернью изделия начиная с VIII в.: сначала зернь появилась на височных украшениях, позже на подвесках, поясных накладках, украшениях рук, обкладках ножен. Ю. А. Подосеновой выделены характерные черты применения данной техники в разные хронологические периоды. В VIII–IX вв. укладывали пирамидки с количеством зерен от 3 до 10. Сами зерна были разного диаметра, имели пористую поверхность. Зернь использовали как основной или дополнительный орнамент. В X–XIII вв. количество гранул увеличилось до 21, зернь укладывали в виде пирамидок, ромба, четырехлистника. Начиная с XI в. зернь перестали использовать как основной элемент. Пирамидки из мелкой зерни заменили на крупную зернь, окруженную проволокой или мелкой зернью, которую располагали несколькими точками на изделии [Подосенова 2014: 36–43].

В изготовлении украшений рук зерно-сканный декор применяли с X по XIII в. и исключительно на изделиях из высокопробного серебра. Применение данной техники (рис. 1/6–7) отмечено на перстнях-«колпачках», перстнях с круглым щитком с симметричным зерно-сканным орнаментом и пластинчатых браслетах с круглым расширением на концах, украшенных зерно-сканным декором и вставкой (браслеты с шатонами). Несмотря на то, что зернь встречается на трех типах украшений рук, в процентном соотношении они составляют значительную долю от общего количества изделий – 12,4 % (24,3 % перстней от их общего количества, 1,3 % браслетов от их общего количества). Зернь на перстнях в основном укладывали в форме пирамидки 4×4 или 2×2, иногда 5×5. На браслетах с шатонами зернь не

являлась основным декором, служила дополнением к оформлению шатона. Украшали пирамидками зерни 2×2 и крупной зернью. Крупную зернь располагали по четырем углам шатона, а также ей разделяли окончания браслета от основной части.

Зернь на изделиях Пермского Предуралья изготавливали двумя способами: расплавление равных кусочков металла, литье в одностороннюю форму. Вместо скани в качестве декоративного элемента на украшениях рук использовали торсированную граненую проволоку, изготавливать которую было проще, чем скань.

Как правило, зернь и торсированная проволока выступали как единый комплекс декора, и при этом торсированная проволока играла вспомогательную роль – использовалась как бордюр или прикрывала место соединения в сборных украшениях.

Мастера Пермского Предуралья при изготовлении украшений использовали техники декорирования фона – чернение и золочение, чтобы сделать основной узор более выразительным.

Следы чернения отмечены на перстнях «булгарского» типа, створчатых браслетах, а также поясных накладках, подвесках. Стоит отметить, что чернение наносили преимущественно на серебряные изделия, редко на бронзовые или оловянно-свинцовые. Технику применяли на протяжении X–XIII вв., пик популярности пришелся на XII–XIII вв.

Золочение было менее популярной техникой для декорирования украшений рук. Золото наносили на изделие тонким слоем путем амальгамирования. Такой прием использовали для оформления фона щитков серебряных перстней-«колпачков» и перстней «булгарского» типа XIII в., поясных накладок, подвесок, погребальных масок, датированных в рамках X–XIII вв.

Стоит отметить, что при декорировании перстней могли сочетать техники золочения и чернения, что является отличительно особенностью ювелирного дела Пермского Предуралья.

Для изготовления кованых украшений рук и нанесения на них декора использовали следующий инструментарий, обнаруженный на памятниках Пермского Предуралья: железные молоточки (3 экз.) с плоским боем и с клювообразной рабочей частью, происходящие с Рождественского городища и могильника, Степаново Плотбище могильника [Крыласова Подосенова 2016: 175; Данич 2002], чеканы-канфарники (4 экз.) для нанесения точечного орнамента, чекан-пурошник (1 экз.) со сферической формой боя для нанесения кружкового орнамента с Анюшкарского городища и Чашкинского II селища [Крыласова и др. 2014: 389; Материальная культура 2010: 80–81], на Анюшкарском городище была найдена форма для отливки зерни [Материальная культура 2010: 75]. В качестве вспомогательного инструментария использовали наковальню, тисочки с С-образными губками (1 экз.) и пинцеты с плоскими губками (2 экз.) с Чашкинского II селища [Крыласова и др. 2014: 389], Редикарского клада [Голдина 1985: 160–161]. Интерес представляет костяной молоточек, обнаруженный на Рождественском городище. Инструмент мог применяться в процессе придания готовому изделию окончательной формы, – например, для придания браслету формы руки: изделие загибалось вокруг деревянной болванки ударами костяного молоточка по внешней стороне. В таких целях использовали деревянный или костяной молоточек (киянку), т. к. при данной операции было важно не испортить декор и само изделие [Рындина 1963: 228]. Помимо этого, киянки могли применять для выколотки рельефа на тонком листе металла (на городище обнаружены три матрицы (две –

металлические, одна – каменная), для подгонки деталей изделий. В большом количестве на поселениях встречен универсальный инструментарий – зубила, шилья и оселки, бородки и стамески, которые могли использовать в том числе в ювелирном деле для выполнения вспомогательных операций. Пока на памятниках Пермского Предуралья не обнаружено штихелей, при помощи которых наносят гравировку на изделие.

Кованые перстни практически все изготавливали из серебра, для изготовления браслетов чаще использовали бронзу с высоким содержанием меди. Стоит отметить, что на памятниках Пермского Предуралья были обнаружены серебряные слитки: на Родановском городище [Сарапулов 2017], на Чашкинском II селище [Крыласова и др. 2014: 386], на Рождественском городище [Крыласова 2015: 68]. Эти находки подтверждают возможность изготовления серебряных изделий мастерами Пермского Предуралья.

III. Вырезанные из пластины (8 экземпляров: 5 перстней и 3 браслета; рис. 1/11). Данная техника не пользовалась популярностью у средневековых мастеров Пермского Предуралья и применялась для изготовления браслетов в VIII–XI вв., перстней – в XI–XII вв.

Пластину, из которой вырезали изделие, отливали путем выливания горячего металла на наковальню [Рындина 1963: 233]. После чего изделие вырезали из листа металла по шаблону контура украшения при помощи зубильца или специальных ножниц. Края изделия дополнительно обрабатывали с целью сглаживания заусениц и неровностей. На таких изделиях орнамент зафиксирован на двух перстнях, он был нанесен путем гравировки.

Ножницы по металлу, которые использовали для вырезания изделий из листа металла, в данном случае браслетов, были обнаружены на Рождественском и Степаново Плотбище могильниках [Крыласова, Подосенова 2016: 175; Данич 2002]. Перстни вырезали, скорее всего, зубильцами, которые в большом количестве встречаются на поселенческих памятниках.

IV. Волочение (13 экземпляров: 13 перстней; рис. 1/10). Технику волочения применяли для изготовления проволочных изделий – спиралевидных перстней, а также проволочных височных колец. Данную технику использовали для изготовления указанных украшений наряду с литьем и свободной ковкой.

Процесс волочения предполагает использование специального инструмента – волочительной доски. Такие доски (2 экз.), сделанные из кости животного (одна из них – из лопатки лошади), были обнаружены на Анюшкарском и Рождественском городищах [Крыласова 2012: 112; Материальная культура, 2010: 80]. После получения проволоки, изделию придавали окончательную форму – для изготовления перстней проволоку сгибали в несколько рядов вокруг деревянной болванки.

Спиралевидные перстни пользовались популярностью в разные периоды на территории Восточной Европы. В Пермском Предуралье они получили распространение в XI–XIV вв. Изделия, основа которых была получена путем волочения, изготавливали из серебра.

При изготовлении височных колец технику волочения стали применяться немного раньше – с X в.

V. Витые (12 экземпляров: 2 перстня и 10 браслетов; рис. 1/12–14). В группу витых изделий вошли украшения, изготовленные путем торсирования (скручивание проволоки вокруг своей оси), тордирования (обматывание одного конца проволоки другим), витья (скручивание двух или более проволок в одно изделие), плетения (сплетение проволок, путем пропускания их под низ и наверх).

Технику торсирования (3 экз.; рис. 1/12) применяли для изготовления местных браслетов в X–XI вв., тордирования (1 экз.; рис. 1/13) – в XI–XIII вв. Оба способа не были типичными для изготовления украшений рук, но само их наличие указывает на то, что пермским мастерам были известны такие техники. Стоит отметить, что технику торсирования широко применяли для изготовления декоративной проволоки взамен сканной, которую использовали для украшения перстней и браслетов в X–XIII в.

Витье и плетение также не получили распространение, и среди украшений рук, обнаруженных на территории Пермского Предуралья, только 2 из 8 можно отнести к местному производству – это витые браслеты с обкладкой на концах (рис. 1/14), которые датируются X в. Остальные витые изделия относятся к импорту из салтово-маяцкой культуры (1 браслет), из Древней Руси (1 браслет и 2 перстня); плетеные браслеты (2 экз.) – к импорту из Волжской Болгарии.

Проволока (стержень), которая лежит в основе местных изделий, изготавливалась путем литья (литую проволоку использовали для торсирования и витья) или волочения (волоченную проволоку использовали для тордирования).

Специальные приспособления для проведения перечисленных операций не требовались. Могли использовать тисочки с С-образными губками (такие обнаружены на Рождественском городище) для закрепления проволоки в процессе торсирования или витья.

Рассматривая ювелирное ремесло Пермского Предуралья нельзя не сравнить его с ремеслом более развитых соседей таких, как Волжская Болгария и Древняя Русь, поскольку между этими территориями в рассматриваемый период были тесные культурные и торговые контакты.

Волжская Болгария, которая достигла высокого уровня в серебрodelии, применении чеканки, гравировки и черни, оказала значительное влияние на развитие местного ювелирного ремесла. Под влиянием болгар в Пермском Предуралье появляются серебряные кованые перстни с чернением, т. н. перстни «булгарского типа», часть из которых относится к импорту (4 из 14), а остальные сделаны в подражание таковым. Местные перстни отличаются от болгарских слабой проработанностью орнамента, тонким слоем черни, сочетанием чернения и золочения, «своеобразными» орнаментами [Моряхина, Сарапулов 2017: 52–56.].

Древняя Русь не оказала особого влияния на ювелирное ремесло Пермского Предуралья, хотя и на рассматриваемой территории встречаются импортные украшения и изготовленные в подражание таковым. Ювелирное ремесло Древней Руси XI–XV вв., в первую очередь Новгорода, с которым у местного населения установились контакты с XI в., характеризуется отливанием украшений преимущественно в каменные разъемные формы, начиная с XII в., с XI в. применениемковки на наковальне с желобком для изготовления проволоки. В XIV в. новгородцы овладели техникой прокатки для получения тонкого листа металла и вырезания из него изделий [Рындина 1963: 266]. В Пермском Предуралье не произошло серьезных качественных изменений в применении уже знакомых и привычных техник изготовления украшений – в XI–XIV вв. по-прежнему используется для отливки украшений восковая модель и, соответственно, одноразовые неразъемные формы, в том числе для украшений рук, изготовленных в подражание древнерусским изделиям.

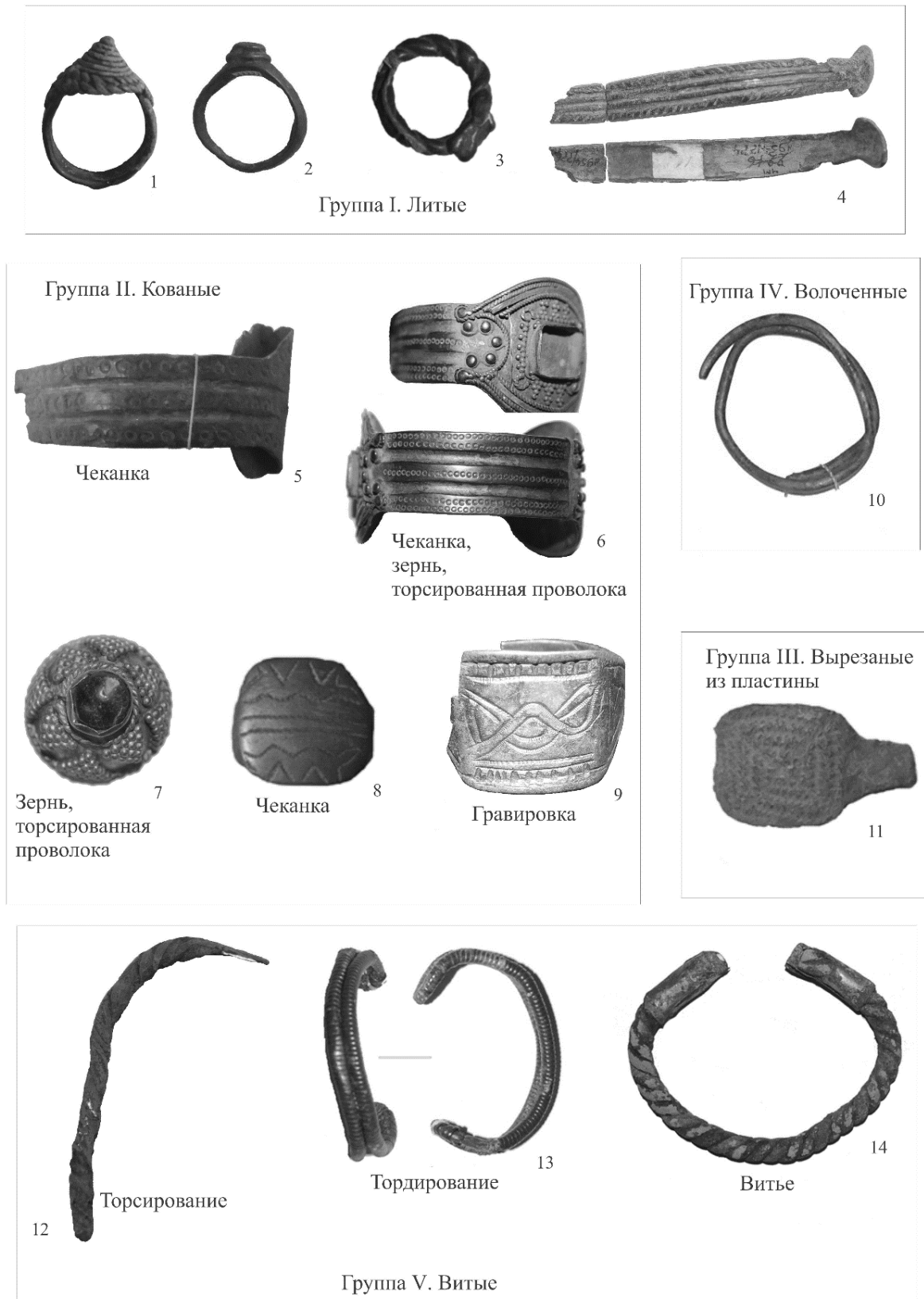

Рис. 1. Украшения рук Пермского Предуралья:

1, 2, 14 – Баяновский могильник, 3 – Златинское местонахождение, 4 – Мало-Аниковский могильник, 5 – Анюшкарское городище, 6 – Чупинский клад, 7, 12 – Рождественский могильник, 8 – могильник Телячий Брод, 9 – Плотниковский могильник, 10, 13 – Саламатовское I городище, 11 – селище Телячий Брод

Заключение

Таким образом, ювелирное ремесло Пермского Предуралья хоть и уступало по уровню развития Древней Руси и Волжской Болгарии, пермские мастера знали основные приемы изготовления украшений. На протяжении всей эпохи средневековья применялось литье по восковой модели, с XI в. для изготовления мелких массовых деталей начали использовать жесткие формы. Ковка также применялась на протяжении всего рассматриваемого периода. Кованые украшения рук с VIII в. начали украшать чеканным орнаментом, с X в. – зерносканным декором, с XII в. – гравировкой.

Фон на таких изделиях дополнительно могли покрывать с X в. золочением, с XII в. – чернением. Вырезание изделий происходило из отлитого листа металла, техника прокатки так и не была освоена пермскими мастерами. Наименее популярными техниками были волочение и тордирование, которые применяли для изготовления украшений рук с XI в.

На развитие пермского ремесла оказала влияние Волжская Болгария, благодаря которой сформировался, например, центр изготовления серебряных кованых перстней. Древняя Русь, несмотря на установившиеся контакты и постепенную колонизацию края, такого влияния не оказала, хоть и пермские мастера заимствовали древнерусские орнаментальные мотивы.

Список литературы

1. Абдулова С. И. Отчет о раскопках Саламатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2011 г. Пермь, 2012 // Архив МАЭ ПГГПУ.
2. Белавин А. М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н. э. (по материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) // Этнические и социальные процессы у финно-угров: (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Йошкар-Ола : МарГУ, 1987. С. 117–130.
3. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
4. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во «Иркутский университет», 1985. 280 с.
5. Данич А. В. Отчет о раскопках Городищенского (Степаново Плотбища) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 2001 г. Пермь, 2002 // Архив ИА РАН, д. 22476.
6. Крыласова Н. Б. и др. Археологические памятники Чашкинского озера / Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В. Пермь : Книжный формат, 2014. 565 с.
7. Крыласова Н. Б. Отчет о раскопках городища и могильника у с. Рождественск Карагайского района Пермского края в 2014 г. Пермь, 2015 // Архив МАЭ ПГГПУ.
8. Крыласова Н. Б. Отчет о раскопках городища и могильника у с. Рождественск Карагайского района Пермского края в 2011 г. Пермь, 2012 // Архив МАЭ ПГГПУ.
9. Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра. 2015. № 4. С. 27–41.
10. Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Ювелирные инструменты по материалам Рождественского археологического комплекса эпохи средневековья // Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всероссийской научно-практической конференции. Пермь : ПГНИУ, 2016. С. 173–177.

11. Материальная культура средневекового Предуралья / под ред. А. М. Белавина. Пермь : Изд-во «Пермский государственный педагогический университет», 2010. 189 с.
12. Моряхина К. В., Сарапулов А. Н. Булгарские перстни с чернью на памятниках Пермского Предуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. Вып. VII. С. 52–56.
13. Оборин В. А., Ленц Г. Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008. Вып. II. С. 10–15.
14. Подосенова Ю. А. Зернь и скань в ювелирных изделиях Пермского Предуралья эпохи средневековья // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 1. Пермь, С. 36–43.
15. Рындина Н. В. Технология производства Новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. 1963. № 117. С. 200–268.
16. Сарапулов А. Н. Отчет о раскопках Родановского городища в Юсьвенском районе Пермского края в 2016 г. Пермь, 2017 // Архив МАЭ ПГГПУ.

References

1. Abdulova S. I. Otchet o raskopkakh Salamatovskogo I gorodishcha v Chusovskom raione Permskogo kraja v 2011 g. [Report on the excavations of the Salamatovsky I settlement in the Chusovsky district of the Perm region in 2011]. *Arkhirv MAE PGGPU* [Archive MAE PGGPU]. Perm', 2012. (In Russ.).
2. Belavin A. M. Proizvodstvennye poselki metallurgov u finno-ugrov v kontse I - nachale II tys. n. e. (po materialam Bereznikovskogo mikroraiona Verkhnego Prikam'ya) [Industrial settlements of metallurgists among the Finno-Ugric peoples at the end of the 1st - beginning of the 2nd millennium AD. e. (based on materials from the Bereznikovsky microdistrict of the Upper Kama region)]. *Etnicheskie i sotsial'nye protsessy u finno-ugrov: (I tys. do n. e. - I tys. n. e.)* [Ethnic and social processes among the Finno-Ugrians: (1st millennium BC - 1st millennium AD)]. Ioshkar-Ola, MarGU Publ., 1987, pp. 117-130. (In Russ.).
3. Belavin A. M., Krylasova N. B. Drevnyaya Afkula: arkhologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk [Ancient Afkula: archaeological complex near the village. Rozhdestvensk]. Perm', PF IiA UrO RAN Publ., 2008, 603 p. (In Russ.).
4. Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Izd-vo «Irkutskii universitet» Publ., 1985, 280 p. (In Russ.).
5. Danich A. V. Otchet o raskopkakh Gorodishchenskogo (Stepanovo Plotbishcha) mogil'nika v Yus'venskom raione Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga v 2001 g. [Report on the excavations of the Gorodishche (Stepanovo Plotbishcha) burial ground in the Yusvensky district of the Komi-Permyak Autonomous Okrug in 2001.] Perm', 2002. *Arkhirv IA RAN* [Archive of IA RAS], d. 22476. (In Russ.).
6. Krylasova N. B., Lychagina E. L., Belavin A. M., Skornyakova S. V. Arkheologicheskie pamyatniki Chashkinskogo ozera [Archaeological sites of Chashkinskoye Lake]. Perm', Knizhnyi format Publ., 2014, 565 p. (In Russ.).
7. Krylasova N. B. Otchet o raskopkakh gorodishcha i mogil'nika u s. Rozhdestvensk Karagaiskogo raiona Permskogo kraja v 2014 g. [Report on excavations of a settlement and burial ground near the village. Rozhdestvensk Karagai district of Perm region in 2014]. *Arkhirv MAE PGGPU* [Archives of MAE PGGPU]. Perm', 2015. (In Russ.).
8. Krylasova N. B. Otchet o raskopkakh gorodishcha i mogil'nika u s. Rozhdestvensk Karagaiskogo raiona Permskogo kraja v 2011 g. [Report on excavations of a settlement and burial ground near the village. Rozhdestvensk Karagai district of Perm region in 2011]. *Arkhirv MAE PGGPU* [Archives of MAE PGGPU]. Perm', 2012. (In Russ.).
9. Krylasova N. B., Podosenova Yu. A. Metallurgicheskaya masterskaya s Rozhdestvenskogo gorodishcha: k voprosu o razvitiitovarnogo proizvodstva v Permskom Predural'e [Metallurgical workshop from the Rozhdestvenskoye settlement: on the issue of the development of commodity production in the Perm Cis-Urals]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Perm Scientific Center]. 2015, no. 4, pp. 27-41. (In Russ.).

10. Krylasova N. B., Podosenova Yu. A. Yuvelirnye instrumenty po materialam Rozhdestvenskogo arkheologicheskogo kompleksa epokhi srednevekov'ya [Jewelry tools based on materials from the Christmas archaeological complex of the Middle Ages]. *Baderovskie chteniya po arkheologii Urala i Povolzh'ya: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Bader's readings on the archeology of the Urals and the Volga region: materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Perm', PGNIU Publ., 2016, pp. 173-177. (In Russ.).
11. Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Material culture of the medieval Cis-Urals]. Ed. A. M. Belavina. Perm', Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet» Publ., 2010, 189 p. (In Russ.).
12. Moryakhina K. V., Sarapulov A. N. Bulgarskie perstni s chern'yu na pamyatnikakh Permskogo Predural'ya [Bulgar rings with niello on the monuments of the Perm Cis-Urals]. *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* [Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals]. 2017, iss. VII, pp. 52-56. (In Russ.).
13. Oborin V. A., Lents G. T. Gorodishche Anyushkar (po raskopkam 1951-1955, 1989-1991 gg.) [Anushkar settlement (according to excavations 1951–1955, 1989–1991)]. *Vestnik muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* [Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals]. 2008, iss. II, pp. 10-15. (In Russ.).
14. Podosenova Yu. A. Zern' i skan' v yuvelirnykh izdeliyakh Permskogo Predural'ya epokhi srednevekov'ya [Grain and filigree in jewelry of the Perm Cis-Urals of the Middle Ages]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2014, iss. 1, Perm', pp. 36-43. (In Russ.).
15. Ryndina N. V. Tekhnologiya proizvodstva Novgorodskikh yuvelirov X-XV vv. [Production technology of Novgorod jewelers of the 10th–15th centuries.]. *MIA*. 1963, no. 117, pp. 200-268. (In Russ.).
16. Sarapulov A. N. Otchet o raskopkakh Rodanovskogo gorodishcha v Yus'venskom raione Permskogo kraya v 2016 g. [Report on the excavations of the Rodanovsky settlement in the Yusvensky district of the Perm Territory in 2016.]. *Arkhiv MAE PGGPU* [Archives of MAE PGGPU]. Perm', 2017. (In Russ.).

Информация об авторе

К. В. Моряхина – кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

K. V. Moryakhina – Ph. D. (History), Associate Professor,
Department of National and Universal History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 01.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 19–26.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 19-26.

Научная статья

УДК 821.161.1(092)

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-19-26

«ЖИТЬ НА РАЗЛОМЕ ЭПОХ»: ПОЭТИКА ХРОНОТОПА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ЛАВРЕНТЬЕВА

Юлия Юрьевна Даниленко

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

danilenko.juli@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики хронотопа в поэзии пермского поэта Владимира Лаврентьева. Категории пространства и времени являются центрирующими для художественной системы автора, а тема города и городского пространства является одной из ключевых на протяжении всего творческого пути поэта. Характерны названия сборников автора «Город» (1990), «Постоянство места» (2004), «Отражение горизонта» (2019), «Пермь как сон» (2023), – все они высвечивают основную идею творчества автора – концептуализацию пространства, моделирование собственной системы координат. В. Лаврентьев входит в литературу в конце 1980-х- начале 1990-х – время слома эпох, когда необходимо было произвести ревизию ценностей, инвентаризировать свой мир и пересобрать его заново, наполняя его собственными смыслами, узнаваемыми образами, значимыми константами. Такой константой в системе координат автора стал образ Города, хронотоп которого он изучает и моделирует одновременно. Исследование показывает, как меняются взаимоотношения со временем и пространством у автора от ранних к более поздним текстам, как преломляются в авторском мировоззрении эсхатологические мотивы, характерные для культуры рубежа веков. Произведенный анализ текстов показывает, что в поэзии Владимира Лаврентьева рождается авторская мифология Перми, которая, с одной стороны, базируется на характерных для поколения пермского андеграунда принципах семиотизации пространства как места метафизической силы, граничащего со смертью, «мир на склоне, почти в овраге», с другой стороны – преодолевает эсхатологическую семантику и прорывается к новым смыслам, базирующимся на образах мировой культуры, к которым Пермь оказывается причастна по факту произрастания здесь искусства.

Ключевые слова. Владимир Лаврентьев, хронотоп, современная поэзия, пермская поэзия, локальный текст, семиотика города, пермский текст, урбанистика.

Для цитирования: Даниленко Ю. Ю. «Жить на разломе эпох»: поэтика хронотопа в творчестве Владимира Лаврентьева // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 19–26. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-19-26>

Original article

"TO LIVE ON THE FAULT LINE OF EPOCHS": POETICS OF CHRONOTOPE IN THE WORK OF VLADIMIR LAURENTIEV

Yulia Yu. Danilenko

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

Abstract. The article is devoted to analyzing the specifics of chronotope in the poetry of Perm poet Vladimir Lavrentiev. The categories of space and time are centering for the author's artistic system, and the theme of the city and urban space is one of the key throughout the poet's creative path. The titles of the author's collections "City" (1990), "Permanence of Place" (2004), "Reflection of the Horizon" (2019), "Perm as a Dream" (2023) are characteristic – all of them highlight the main idea of the author's work – conceptualization of space, modeling of his own system of coordinates. V. Lavrentiev enters the literature in the late 1980s-early 1990s – the time of the broken epochs, when it was necessary to make a revision of values, to inventory his world, to reassemble it anew, filling it with his own meanings, recognizable images, meaningful constants. Such a constant in the author's coordinate system is the image of the City, the chronotope of which he studies and models at the same time. The study shows how the author's relationship with time and space changes from early to later texts, how eschatological motifs characteristic of turn-of-the-century culture are refracted in the author's worldview. The analysis of the texts shows that Vladimir Lavrentiev's poetry gives birth to the author's mythology of Perm, which, on the one hand, is based on the principles of semiotization of space as a metaphysical place characteristic of the Perm underground generation, On the other hand, it overcomes eschatological semantics and breaks through to new meanings based on the images of world culture, to which Perm is a part of by the fact that art grew here.

Keywords: Vladimir Lavrentiev, chronotope, modern poetry, Perm poetry, local text, semiotics of the city, Perm text, urbanism.

For citation: Danilenko Yu. Yu. "To live on the fault line of epochs": poetics of chronotope in the work of Vladimir Laurentiev. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:19-26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-19-26>

Введение

Владимир Лаврентьев¹ – поэт, принадлежащий к поколению пермского поэтического андеграунда 1980-х годов, в настоящее время – автор пяти поэтических книг, лауреат литературной премии им. А. Решетова (2021). В. Лаврентьев – значимая фигура для литературной карты Перми, для понимания специфики локального текста, поскольку его художественная система строится на семиотике городского пространства, раскрывает скрытые смыслы города как сложносочиненного культурного объекта.

Автор сам определяет жанр своего творчества как «городское фэнтези», всякий раз подчеркивая значимость категории места для собственной культурной идентификации: «Я родился в Городе, в нем вырос, в Городе и живу и хочу жить. Я точно знаю, что могу жить

¹ В. Лаврентьев родился в 1956 г. в Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета. Публиковался в журнале «Уральская новь», в альманахах «Пульс-1991», «Пермь третья». Автор книг стихотворений «Город» (Пермь, 1990), «Постоянство места» (Пермь, 2004). «В ожидании чуда» (Пермь, 2018) «Отражение горизонта» (Пермь, 2019), «Пермь как сон» (Пермь, 2023), лауреат литературной премии им. А. Решетова. Участник первого, второго и третьего томов «Антологии современной уральской поэзии» (Челябинск, 1996, 2003, 2018). Живет в Перми.

только в Городе. Есть города и Города. В последних есть свои тайны: улочки, убегающие, неизвестно куда, дворы, имеющие один вход и семь выходов. Старые дома, на чердаках которых можно найти клад, а в подвалах – вход в подземный лабиринт. У Городов есть и своя История, разматывающаяся в оба конца» [Лаврентьев 2013: 252].

Основная часть

В. Лаврентьев входит в литературу в конце 1980-х- начале 1990-х гг. – время слома эпох, когда необходимо было произвести ревизию ценностей, инвентаризировать свой мир и пересобрать его заново, наполняя его собственными смыслами, узнаваемыми образами, значимыми константами. Такой константой в системе координат автора стал образ Города, хронотоп которого он изучает и моделирует одновременно. Эту особую оптику восприятия города автором уже не раз отмечали исследователи, подчеркивая, что философия пространства является центральной темой творчества поэта.

Т. Наумова в статье, посвященной поэзии В. Лаврентьева фиксирует значимые категории поэтики автора: «В первой книге стихов с симптоматичным названием «Город», в котором сосредоточена центральная тема лирики Лаврентьева, мы окунаемся в насыщенное деталями сборище крыш, этажей и асфальта. Здесь само городское пространство постоянно меняет конфигурацию, то сжимаясь «точкой на дисплее», то расширяясь Вселенной, переполняясь героями и реалиями иных времен и мест. Каждый уголок города провоцирует поэта на поток мыслей и философских обобщений» [Наумова 2011: 326].

В монографии В. В. Абашева «Пермь как текст» смысловая матрица Перми иллюстрируется, кроме прочих, яркими образами города В. Лаврентьева [Абашев 2000: 384–386]. В конце 1980-х гг. отношения с городом выясняли практически все авторы пермского андеграунда: В. Кальпиди, В. Раков, В. Дрожащих, Ю. Беликов. Дистанцируясь от официального идеологического дискурса, декларирующего модели репрезентации города как «Промышленного центра», «Города трудовой славы», авторы искали пути собственного осмысления пространства, разрушая образы навязанных репрезентаций, прорывались к истинному облику города, который оказывался часто пугающим, жутким фантомом, таящим в себе угрозу и страх.

Так, в поэзии поколения 1970–80-х гг. сформировался устойчивый негативный, мортальный образ Перми как места, несущего смерть и безысходность, обрекающего человека на вечное пребывание в нем. У В. Кальпиди: Пермь – «косоносая сатрапка, бабка, бросившая внуков» [Кальпиди 1990: 45], у В. Ракова «родовая ловушка», «человечья нора» [Раков 2003: 217]. В этот семантический ряд органично вписываются образы города, явленные в текстах В. Лаврентьева:

Оказалось, что город не так уж и прост:

он себе на уме, как бывалый шизоид.

По ночам он, к примеру, похож на погост,

на пустынный ландшафт из времён мезозоя.

Он прикинуться может порой дураком,

антикварною лавкой различнейших табу.

*То свернётся в тугой каучуковый ком,
то назойливо лезет в нутро, как антабус.*

*Если в сделанный в нём поперечный разрез
запустить пятерню в медицинской перчатке,
то нашаришь в зачаточной форме прогресс...
Да чего только там не нашаришь в зачатке!*

*В нём срослись в монолит, в исторический страз
лобовой авангард с метастазами страха,
колоссальный размах, инструктивный маразм,
предвкушенье побед с ожиданием краха.*

*Мы купили друг друга, как кошку в мешке,
и теперь неразлучны, хоть тресни, до гроба.
Я торчу, как микроб, в его толстой кишке,
да и город во мне затаился микробом.*

*Только будучи даже заразно больным
или высланным за оскорбление словом,
я вернусь в этот город навязчивый снова -
мы одною верёвочкой связаны с ним [Лаврентьев 1990: 12].*

Неоднозначность, фантомность города в художественном мире В. Лаврентьева не пугает читателя, но словно высвечивает его многослойность, сложность организации и одновременно силу привязанности героя к месту. Через мотивы болезни и физиологической связи обнаруживается, что герой и город – единое целое, сложный, живой организм, и потому, как части целого находятся во взаимозависимости друг от друга.

В. Лаврентьев сам творит свой город, чувствует такую потребность и имеет право – по факту рождения, это место его силы, к которому автор чувствует причастность, которое формирует его, испытывает на прочность, на верность, и постепенно становится частью самого автора.

*«Только будучи даже заразно больным
Или высланным за оскорбление словом,
Я вернусь в этот город навязчивей снова-
Мы одною веревочкой связаны с ним» [Лаврентьев 1990: 12].*

Потому лирический герой В. Лаврентьева никогда не пытался покинуть город, разрушить, преодолеть, как другие, он всегда принимал его, даже больным и монструозным, пытался понять его, как самого себя, осмыслить себя и пространство через категории культуры. Характерные для культурного кода рубежа веков черты интертекстуальности,

иронии, многослойности повествования в полной мере проявились и поэзии В. Лаврентьева. Строки

«Зима. Компрос. Сырые паруса развешаны сушиться над Компросом» [Лаврентьев 1990: 11] можно считать еще одной программной установкой автора, для которого пространство города становится пространством культуры. В. Лаврентьев как бы выносит за скобки статус «закрытого», «провинциального», «промышленного» города, для автора важнее вневременные и внеполитические категории. Лирический герой В. Лаврентьева не испытывает сопротивления места, но принимает его во всей сложности и неоднозначности. Потому Компрос становится Итакой, константой авторской системы координат, по которой он всякий раз возвращается в свой личный хронотоп.

«На камском же мосту стоит Улисс», «Исчезло все... лишь Пермь осталась – точка на дисплее» [Лаврентьев 1990: 11].

В более позднем этапе творчества, отраженном в сборниках «Постоянство места» (2004), «В ожидании чуда» (2018), «Пермь как сон» (2023), а также в авторской подборке четвертого тома «Антологии современной уральской поэзии» (2018) модель хронотопа несколько трансформируется.

Исчезают мотивы болезни, страха и обреченности, обнаруживается очевидное смещение проблемного поля хронотопа в зону хроноса, а система координат остается прежней, что фиксирует знаковое название сборника «Постоянство места» (2004), который выходит спустя пятнадцать лет после публикации первой книги автора. В новой книге «Пермь как сон» (2023) прослеживается мотив памяти, образы былой Перми проступают на старых открытках, которые являются еще одним пластом культуры, в котором запечатлен личный опыт героя, преломленный в истории города и страны, и тоже, ставший отчасти мифом.

«Я помню Пермь. Мне было пять.

В пальто цигейковом до пят.

Сугробы, минус тридцать с ветром.

Катушки строили отцы.

И небо звонкое, как цинк,

Висело над страной Советов» [Лаврентьев 2023: 89].

В текстах нулевых годов большей степени проблематизируется категория времени. Прочитывая тексты В. Лаврентьева всех сборников как единое авторское полотно, можно говорить о цельности хронотопа. Пространство Перми всегда разрасталось в авторской системе координат до многомерного пространства мировой культуры, тихий двор на Компросе становился священным местом церкви, локусом таинства и божественного покровительства, местом, преодолевшем время.

В подборке четвертого тома «Антологии современной уральской поэзии» (2018) отчетливо звучит доминанта хроноса. Теперь время выше пространства, молчание – значительнее слов, настала пора писать вневременные тексты – сказки и мифы осмысляя собственную жизнь как млечный путь...

*Когда исчезнет все и с матрицы судьбы
Клей памяти сойдет, а с ним и страх, и смысл,
То время перейдет в обратное себе;
Избавившись от чаи, воспрянет коромысло.
Ни завтра, ни вчера не будет. Пуст
Бидон от молока, где лишний даже воздух.
Останется лишь Путь- бескрайний Млечный Путь,
В котором молоко – все: кошки, люди, звезды [Лаврентьев 2018: 314].*

Поколение андеграунда оказалось особенно чутким к хтоническим звукам земли, потому во время минуты молчания лирический герой вновь прислушивается к «гулким порам земли», которые вновь должны наполниться словами. «Сказка о придуманном времени», «Серебряный век», «Минута молчания» – все тексты так или иначе проблематизируют категорию времени и снова примиряют читателя и автора с пространством, а лирический герой сам превращается в факт культуры, обращается цитатой, словом, которое было в начале.

Живущий на разломе тектонических плит, а также на разломе эпох, герой особенно остро чувствует потребность созидания собственного мира, который сужается до авторской кухни и из нее расширяется до бесконечности Млечного пути. Новые тексты автора – это разговор зрелого человека с самим собой, с читателем о сути и содержании жизни – о времени, которое выше пространства, о мужестве жить в Перми на разломе эпох.

Заключение

Произведенный анализ ранних и более поздних текстов автора показывает, что в поэзии Владимира Лаврентьева рождается авторская мифология Перми, которая, с одной стороны, базируется на характерных для поколения пермского андеграунда принципах семиотизации пространства как места метафизической силы, граничащего со смертью, «мир на склоне, почти в овраге», с другой стороны – преодолевает эсхатологическую семантику и прорывается к новым смыслам, базирующимся на образах мировой культуры, к которым Пермь оказывается причастна по факту произрастания здесь искусства.

Представляется, Пермь бесконечно благодарна В. Лаврентьеву за «понимание», как, верится, Березники – Алексею Решетову, который сумел принять пространство, увидеть его красоту, почувствовать его силу, энергетику, понять его законы, стать его частью.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во «Пермский государственный университет», 2000. 400 с.
2. Абашев В. В. Неосязаемое тело города // Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во «Пермский государственный университет», 2008. 156 с.
3. Антология современной уральской поэзии. 1 том (1972–1996). Челябинск : Фонд ГАЛЕРЕЯ, 1996. 360 с.
4. Лаврентьев В. Автобиография. «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» / ред. В. О. Кальпиди. Челябинск : Изд. группа «Десять тысяч слов», 2013. 607 с.

5. Антология. Современная уральская поэзия 2004–2011 [Электронный ресурс] / ред. В. О. Кальпиди. Челябинск : Изд. группа «Десять тысяч слов», 2011. URL: https://www.marginaly.ru/html/Antolog_3/avtory/046_lavrentiev.html (дата обращения: 15.10.2023).
6. Кальпиди В. Аутсайдеры-2. Пермь : Пермское книжное издательство, 1990. 109 с.
7. Лаврентьев В. Антология современной уральской поэзии. 2012–2018 гг. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2018. 760 с.
8. Лаврентьев В. В ожидании чуда. Пермь : Пермское книжное издательство, 2018. 180 с.
9. Лаврентьев В. Город: Стихи. Пермь : Пермское книжное издательство, 1990. 120 с.
10. Лаврентьев В. Отражение горизонта. Пермь : Изд-во «Пушка», 2019.
11. Лаврентьев В. «Постоянство места». Пермь : Изд-во «Пушка», 2004. 126 с.
12. Лаврентьев В. Пермь как сон. Пермь: Пермское книжное издательство, 2023. 127 с.
13. Наумова Т. О стихах В. Лаврентьева // Антология. Современная уральская поэзия 2004–2011 / ред. В. О. Кальпиди. Челябинск : Изд. группа «Десять тысяч слов», 2011. С. 326.
14. Раков В. Серое пламя напрасного дня [Электронный ресурс] // Антология современной уральской поэзии 2 том (1997–2003 гг.) Издательский дом «Фонд Галерея» При участии журнала «Уральская новь». Челябинск, 2003 г. С. 217. URL: https://www.marginaly.ru/html/Antologia_2/038_rakov.html (дата обращения: 15.10.2023).
15. Сидякина А. А. Маргиналы. Уральский андеграунд: Живые лица погибшей литературы / автор-сост. А. Сидякина. Челябинск : Издательский дом «Фонд «Галерея», 2004. 324 с.

References

1. Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm, Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi universitet» Publ., 2000, 400 p. (In Russ.).
2. Abashev V. V. Neosyazhaemoe telo goroda [The intangible body of the city]. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century]. Perm, Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi universitet», 2008. 156 p. (In Russ.).
3. Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii. 1 tom (1972-1996) [Anthology of modern Ural poetry]. Chelyabinsk, Fond GALEREYa Publ., 1996, 360 p. (In Russ.).
4. Lavrent'ev V. Avtobiografiya. «Entsiklopediya. Ural'skaya poeticheskaya shkola» [Autobiography. "Encyclopedia. Ural poetic school"]. Ed. V. O. Calpidi, Chelyabinsk, Izd. gruppа «Desyat' tysyach slov» Publ., 2013, 607 p. (In Russ.).
5. Antologiya. Sovremennaya ural'skaya poeziya 2004-2011 [Contemporary Ural poetry 2004–2011]. Ed. V. O. Calpidi, Chelyabinsk, Izd. gruppа «Desyat' tysyach slov» Publ., 2011. (In Russ.). Available at: https://www.marginaly.ru/html/Antolog_3/avtory/046_lavrentiev.html (accessed: 15.10.2023).
6. Kal'pidi V. Outsaidery-2 [Outsiders-2]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990, 109 p. (In Russ.).
7. Lavrent'ev V. Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii. 2012–2018 gg. [Anthology of modern Ural poetry. 2012–2018.]Chelyabinsk, Izd-vo Mariny Volkovoi Publ., 2018, 760 p. (In Russ.).
8. Lavrent'ev V. V ozhidanii chuda [Waiting for a miracle]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2018, 180 p. (In Russ.).
9. Lavrent'ev V. Gorod: Stikhi [City: Poems]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990, 120 p. (In Russ.).
10. Lavrent'ev V. Otrazhenie gorizonta [Horizon reflection]. Perm, Izd-vo «Pushka» Publ., 2019. (In Russ.).
11. Lavrent'ev V. «Postoyanstvo mesta» ["Persistence of Place"]. Perm, Izd-vo «Pushka» Publ., 2004, 126 p. (In Russ.).

12. Lavrent'ev V. Perm' kak son [Perm is like a dream]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2023, 127 p. (In Russ.).

13. Naumova T. O stikhakh V. Lavrent'eva [About the poems of V. Lavrentiev]. *Antologiya. Sovremennaya ural'skaya poeziya 2004-2011* [Anthology. Contemporary Ural poetry 2004-2011]. Ed. V. O. Kalpidi, Chelyabinsk, Izd. gruppya «Desyat' tysyach slov» Publ., 2011, p. 326. (In Russ.).

14. Rakov V. Seroe plamy naprasnogo dnya [The gray flame of a wasted day]. *Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii 2 tom (1997-2003 gg.)* [Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii 2 volume (1997–2003 gg.)]. Izdatel'skii dom «Fond Galereya» Publ., Pri uchastii zhurnala «Ural'skaya nov'». Chelyabinsk, 2003 g, pp. 217. (In Russ.). Available at: https://www.marginaly.ru/html/Antologia_2/038_rakov.html (accessed: 15.10.2023).

15. Sidyakina A. A. Marginaly. Ural'skii andegraund: Zhivye litsa pogibshei literatury [Marginalized. Ural underground: Living faces of lost literature]. Chelyabinsk, Izdatel'skii dom «Fond «Galereya» Publ., 2004, 324 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Ю. Даниленко – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории литературы и методики преподавания литературы, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

Yu. Yu. Danilenko – Ph. D. (Philology), Head of the Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 01.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 27–38.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 27-38.

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-27-38

ПАРОДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫСТРАИВАНИЯ УСПЕШНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ

Надежда Андреевна Макурина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

makurina_na@pspu.ru

Аннотация. Пародийная направленность как одна из граней творчества Ф. М. Достоевского рассматривается в аспекте её функциональности в деле формирования писателем своего художественного маршрута. Особый интерес представляют случаи, когда опосредованно, через пародийное осмысление творческих маршрутов современников-литераторов, Достоевский производит отбор поведенческих, риторических, стратегически значимых для развития собственного творчества приемов и идей. Подвергая в «Селе Степанчикове» критику последнее произведение Гоголя, Достоевский, тем не менее, на протяжении всей своей творческой биографии держит в поле зрения возможность выйти к своим читателям не в качестве писателя, а в роли собеседника, начать с ними диалог, опосредованный возможностями журналистики, иными словами – пойти по гоголевскому пути, но при этом не навредить своей репутации художника, избежать фиаско. Результатом пародии на Гоголя-публициста становится глубокое переосмысление посредством смеха тех творческих исканий, в которые был погружен Гоголь, взявшийся за публикацию «Переписки». В статье рассматривается, как пародия позволила Достоевскому выкристаллизовать из факта публикации «Выбранных мест» значимые и в писательском, и в философском плане элементы, яснее увидеть причины гоголевской неудачи, чтобы впоследствии спроецировать эти наблюдения на собственный опыт публицистической деятельности. «Село Степанчиково», с одной стороны, обращено к предыдущему литературному опыту Достоевского; с другой стороны – это заявка на новую художественную стратегию. В повести не только осмысляются (в том числе посредством пародии) амбиции и обиды начинающего литератора, но и заблаговременно подготавливается почва для выхода к читательской публике в рамках публикаций «Дневника писателя».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, пародия, пародийный план, публицистика, писательская стратегия.

Для цитирования: Макурина Н. А. Пародия в творчестве Ф. М. Достоевского как инструмент выстраивания успешной писательской стратегии // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 27–38. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-27-38>

Original article

PARODY IN THE WORK OF F. M. DOSTOEVSKY AS A TOOL FOR BUILDING A SUCCESSFUL WRITING STRATEGY

Nadezda A. Makurina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, makurina_na@pspu.ru

Abstract. Parody orientation as one of the facets of F. M. Dostoevsky's work is considered in the aspect of its functionality in the formation of his artistic path. Of particular interest are cases when Dostoevsky selects behavioral, rhetorical and strategically important for the development of his own creativity techniques and ideas indirectly, through a parodic comprehension of the creative paths of his contemporaries. Criticizing Gogol's last work in "The Village of Stepanchikov," Dostoevsky, nevertheless, throughout his entire creative biography keeps under review the opportunity to reach his readers not as a writer, but as an interlocutor, to begin a mediated by journalism opportunities dialogue with them, in other words, to follow Gogol's path, but at the same time not to harm his reputation as an artist, to avoid a fiasco. The parody of Gogol the publicist results in a deep reconsideration of the creative quest, in which Gogol was immersed while publishing «Selected Passages from Correspondence with Friends», through laughter. The article considers how parody allowed Dostoevsky to crystallize from the fact of the publication of "Selected Places" significant elements both in literary and philosophical terms, to see more clearly the reasons for Gogol's failure, in order to subsequently project these observations onto his own experience of journalistic work. "The Village of Stepanchikovo," on the one hand, refers to Dostoevsky's previous literary experience; on the other hand, it is a claim of a new artistic strategy. The story not only comprehends (including through parody) the ambitions and grievances of the aspiring writer, but also prepares the ground in advance for release to the reading public within the framework of the publications of the "A Writer's Diary".

Keywords: F. M. Dostoevsky, N. V. Gogol, parody, parody plan, journalism, writing strategy.

For citation: Makurina N. A. Parody in the work of F. M. Dostoevsky as a tool for building a successful writing strategy. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:27-38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-27-38>

Введение

Пародия, с одной стороны, явление литературы достаточно древнее для того, чтобы у литературоведения имелась возможность дать ему подробнейшую характеристику. С другой стороны, безусловная сложность, вариативность воплощения пародийного замысла ставит перед теоретиками литературы при рассмотрении каждого отдельного случая все новые и новые вопросы, в числе которых вопросы о структуре пародии, комизме как обязательной составляющей пародии (Ю. Н. Тынянов, А. А. Морозов, В. Новиков); направленности, то есть объекте, пародии (Бондаренко В. В.); внутритекстового пародирования (Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев); роли читателя в пародийном произведении; классификации пародии и др.), по-разному решаемые с момента появления в словаре Остолопова статей «пародия» и «травести».

Связь изучения теории пародии с именем Ф. М. Достоевского, заданная работами Ю. Н. Тынянова и имеющая почти столетнюю историю, дает повод к возвращению к текстам Достоевского для проверки терминологических колебаний и даже расширения понятия пародии. Неудивительно, что изучение пародийного начала в творчестве Достоевского уже

многие десятилетия привлекает исследователей. Пародию как одну из граней творчества Ф. М. Достоевского – основной предмет наших научных изысканий – в рамках обозначенной темы мы предлагаем рассмотреть в аспекте её функциональности в деле формирования писателем своего художественного маршрута. Это тот случай, когда опосредованно – через пародийное осмысление творческих стратегий не только талантливых, но и успешных современников (Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева), Достоевский производит отбор поведенческих, риторических, стратегически важных для развития собственного творчества приемов и идей.

Современный исследователь теории пародии В. И. Новиков почти пять десятилетий назад (и за тринадцать лет до того, как будет издана его монография «Книга о пародии») в статье «Зачем и кому нужна пародия» (1976 г.), написанной для «Вопросов литературы», рассуждая о задачах литературной пародии, внес замечательное дополнение к имеющимся на тот момент классификациям явления: «Во-первых, – пишет Новиков, – это критика пародируемого произведения», для которой «характерно наличие определенной критической (негативной по отношению к объекту) концепции» [Новиков 1976: 193]. В противопоставление этому, *критическому*, типу пародии В. Новиков выделяет *синтезирующую пародию*, предполагающую «изображение пародийными средствами неповторимого своеобразия, стиля произведения, к которому он [пародист] обращается» [Новиков 1976: 193].

Такая пародия вызвана художественным интересом пародиста к объекту пародии и желанием «синтезировать с помощью пародии свое представление о творческой индивидуальности автора» [Новиков 1976: 193]. Данные замечания о функциях пародии, как и более ранние исследования М. М. Бахтина и О. М. Фрейденберг, посвященные двуплановой природе пародии и описанию её возвышающей функции, мы в рамках нашей темы считаем методологически значимыми.

Последовательно обращаясь к вопросам предьявления пародии в творчестве Достоевского (прямая и обратная пародия, простая и составная пародия, произвольное и непроизвольное автопародирование), мы приходим к мысли о том, что создание «Села Степанчикова» становится отправной точкой, после которой пародия воспринимается и задействуется Достоевским не столько как прием создания комического или комический жанр, а шире – как один из основополагающих художественных принципов.

Основная часть

Одна из наиболее интересных в свете обозначенной темы пародийная линия в «Селе Степанчикове» ведет к гоголевскому Хлестакову. В. В. Вересаев обнаруживает ряд фактов, свидетельствующих о близости Гоголя своему герою и, в частности, приводит письмо Гоголя А. О. Смирновой, где писатель признается: «Право, есть во мне что-то хлестаковское...» [Вересаев 1933: 358].

Универсальность характера Хлестакова позволяет и о героях «Степанчикова» (и отчасти о самом авторе повести) сказать гоголевскими словами: «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, но, натурально, в этом не хочет только признаться; он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только, конечно, в коже другого, а не в собственной» [Гоголь 1952: 101]. Фома Фомич, возмнивший себя

гением; девица Перепелицына, требующая к себе уважения, потому как она подполковничья дочь; Обноскин с Мизинчиковым, которые наперегонки собираются жениться на полусумасшедшей Татьяне Ивановне и присвоить себе её капиталы, ученый человек Коровкин, встреченный Ростаневым на большой дороге и ожидаемый в имении с большим нетерпением, Видоплясов, упоенный мечтами о своем литературном будущем – все так или иначе соотносимы с Хлестаковым как минимум на том основании, которое выделяет Л. В. Жаравина, исследовавшая хлестаковское начало в героях Достоевского: «Хлестаков как бы создает новую реальность, в которую верит не только сам, но и окружающие. И создает он эту реальность ничем иным, как *словом*» [Жаравина 1996: 171]. И реальность эта, по оценке Ю. Лотмана, имеет «болезненный характер самоутверждения» [Лотман 1988: 303].

Достоевского, «сунувшего всем собачью кость» своим литературным дебютом и теперь желающего вернуть и преумножить былой успех, природа хлестаковщины, в которую неосторожно пустился Гоголь периода «Выбранных мест из переписки с друзьями», занимала как один из стратегически значимых вопросов. Связь Достоевский-Хлестаков уже отмечалась исследователями. На нее осторожно указывала, анализируя интонации писем Достоевского, только что опубликовавшего «Бедных людей», Л. И. Сараскина. Достаточно уверенно параллель Достоевский-Хлестаков проведена в книге Аси Пекуровской «Страсти по Достоевскому. Механизм желаний сочинителя». Писательница полагает, что Достоевский, который за мощной фигурой Гоголя в «Селе Степанчикове» вывел и криптопародию на Тургенева, высмеивал по-хлестаковски разошедшегося приживальщика с оглядкой на себя самого.

Важно то, что Достоевский, выходя таким образом на самопародию, не просто осознавал в себе хлестаковские пороки, но и видел в них серьезное препятствие в достижении писательского успеха, а потому – боролся с ними. А. Пекуровская, отмечающая неоднократное возвращение Достоевского к гоголевскому типу, пишет: «Готовность благосклонно принять хлестаковство при условии, что оно лишено комических корней, могла составлять дилемму Достоевского еще со времени разлада с кружком Белинского» [Пекуровская 2004: 235].

Философ Мераб Мамардашвили, также фиксирующий связь Достоевский-Хлестаков («я бы показал вам Достоевского как литературного Хлестакова, гениального, талантливого, все что угодно – это самый настоящий Хлестаков» [Мамардашвили 1997: 170]), указывает на масштабы и сложность этой борьбы: «Ему [Достоевскому] нужно было еще несколько жизней прожить, чтобы полностью выкорчевать из себя то, что он выкорчевывал. А он выкорчевывал, в этом ему нужно отдать должное. Из себя изживал» [Мамардашвили 1997: 170].

В свете этой постоянной работы Достоевского над собой и с учетом уже обозначенных пародийных потенций повести «Село Степанчиково» видится неслучайным появление имени Хлестакова в начальных строках «Дневника писателя», как, впрочем, неслучайно и в какой-то степени подготовлено пародией на Гоголя появление самого «Дневника».

Подвергая в «Селе Степанчикове» критике последнее произведение Гоголя, Достоевский, тем не менее, на протяжении всей своей творческой биографии держит в поле зрения возможность выйти к своим читателям не в качестве художника, а в роли собеседника, начать с ними диалог, опосредованный возможностями журналистики, иными словами – пойти по гоголевскому пути, но избежать провала.

Неудачный опыт Гоголя проанализирован Достоевским с большим старанием, в том числе, через комикование, и потому Достоевский, несмотря на свое горячее желание (едва ли не потребность) посвятить всего себя работе над «Дневником», сдерживается: «Прямо и ясно высказаться! <...> когда-нибудь и можно будет; но нельзя, голубчик, сразу, никак нельзя, разве я об этом не думал, не мечтал!.. да что же делать... Ну и потом, есть вещи, о которых если вдруг, так никто даже и не поверит» [Соловьев 1990: 203], – сообщает он по поводу первой книги «Дневника писателя» в беседе с Вс. Соловьевым, подчеркивая необходимость избирательного подхода и к подбору материала, и к тону повествования в «Дневнике».

При появлении «Дневника писателя» как отдельного издания в 1876 году Достоевский отказывается от заданной Гоголем писательской траектории: пишет предисловие (вернее, «Вместо предисловия», входящее в первую главу), по объему, по содержанию противопоставленное началу «Выбранных мест». «Я не мастер писать предисловия» [Достоевский 1981: 6], – лукаво сообщает он своим читателям и далее уточняет: «Предисловие, может быть, так же трудно написать, как и письмо» [Достоевский 1981: 6]. Что это, как не тонкий намек на форму «Выбранных мест» с его пространным предисловием-прощанием, написанным нарочито торжественным слогом, превозносящим автора над читателем? Любопытно, что среди многочисленных литературных задумок Фомы Опискина, отдельно выделяется проект «Предисловия» к сборнику стихотворений Видоплясова, об издании которого полковник Ростанев сообщает племяннику: «Это уж решено – на мой счет, и будет выставлено на заглавном листе: крепостной человек такого-то, а в предисловии Фоме от автора благодарность за образование. Посвящено Фоме. Фома сам предисловие пишет» [Достоевский 1972: 104].

И. Л. Волгин подчеркивает, насколько старательно Достоевский избегает тех стратегических ошибок, которые в своё время при работе над «Выбранными местами» допустил Гоголь: категоричности, завершенности, безапелляционной уверенности в обладании абсолютной истиной. Робкие сомнения Аркадия Долгорукова, выраженные в импровизированном предисловии к его истории: «То, что сам ценишь, очень возможно, не имеет никакой цены на посторонний взгляд» [Достоевский 1975: 5], – кажется, близки и самому Достоевскому. В письме Аксакову от 28 августа 1880 года он выражает свои переживания по поводу «Дневника»: «Я сам нахожусь, во многом, в больших сомнениях, хотя и имел 2 года опыта в издании “Дневника”. Именно о том: как говорить, каким тоном говорить и о чем вовсе не говорить?» [Достоевский 1988: 214].

Исследователь также отмечает, что намерения Достоевского быть откровенным не стоит воспринимать слишком прямолинейно, так как секрет успеха «Дневника писателя» кроется в области поэтики, а не в исповедальности. «Этот уникальный по своей литературной природе “эго-документ” лишь имитировал свойства дневникового жанра, оставаясь на деле актом публичного собеседования, предметом достаточно тонкой литературной игры» [Волгин 2014: 116] – пишет И. Л. Волгин.

Игра эта, действительно ведется очень умело: Достоевский держит читателей на управляемой и полностью контролируемой им дистанции, перепиской с привычными своими адресатами до публикации номеров проверяет злободневность поднимаемых вопросов, анализирует ответную реакцию читателей, вступает с ними в диалог.

Достоевский, в отличие от Гоголя, бережет репутацию художника, не отрекается ни от своих уже написанных произведений, ни от продолжения литературной работы – одновременно с выпуском «Дневника писателя» автор пишет и публикует вершинное своё произведение – «Братьев Карамазовых». Результатом пародии на Гоголя-публициста становится глубокое переосмысление посредством смеха тех творческих исканий и тем, в которые был погружен Гоголь, взявшийся за публикацию «Переписки». Ф. М. Достоевский, производящий детальный анализ гоголевского пути, пародийно осмысляет не только последнюю неудачу Гоголя, но и обстоятельства его вступления в литературу. Вообще тема литературной неопытности, по всей видимости, привлекала Достоевского, вверяющего повествование молодым людям, только пробующим перо и признающим свою литературную неопытность.

В 30-е гг. Гоголь испытывает сильнейшее давление со стороны литературной критики. В частности, относительно его произведений усилиями О. И. Сенковского, известного читающей публике под псевдонимом Барона Брамбеуса, устанавливается параллель с творчеством французского романиста Поль де Кока, имеющего в России противоречивую репутацию. Сравнение, преподносимое как комплимент творчеству и высокая оценка таланта, оскорбительно для молодого писателя и глубоко ранит его. Аналогия с Поль де Коком проводится Сенковским на протяжении целого ряда критических статей и по мере появления новых произведений усугубляется новыми неприятными для Гоголя замечаниями, делается выпад, в том числе, и против читательской аудитории Гоголя, которая, как пишет критик, ««утирает нос полою своего балахона» и жестоко пахнет дёгтем <...> эта публика ещё одной ступенью ниже знаменитой публики Поль де Коковой» [Библиотека для чтения 1836: 3].

Последующий литературный успех Гоголя был отмечен куда более весомым мнением В. Белинского, который опроверг мысль о возможности видеть в Гоголе малороссийского Поль де Кока: «Гоголь и Поль де Кок – это имена, между которыми столько же общего, как между именами Вольтера и какого-нибудь Барона Брамбеуса» [Белинский 1955: 361]. Реабилитировав Гоголя перед читателями, Белинский закрепляет за ним репутацию поэта жизни, ставит его в один ряд с Пушкиным и с его имени начинает отсчет нового периода в развитии отечественной литературы.

Однако затаенная Гоголем обида на унижения своей писательской молодости, та самая «змея литературного самолюбия» [Достоевский 1972: 12], которая, по уверениям рассказчика «Села Степанчикова», ужалила и Фому Фомича, находит отражение в рецензиях, которые Гоголь пишет для пушкинского «Современника». «Нож гильотины упал прежде всего на Сенковского, и голова барона Брамбеуса под крики и завывания смеха покатила с плахи на площадь» [Золотусский 1979: 207] – так И. П. Золотусский описывает характер критических выпадов Гоголя-рецензента.

По замечанию А. В. Архиповой, журнал Сенковского был знаком Достоевскому с детства, поскольку выписывался его отцом. Несомненно, Достоевскому было известно и содержание полемики, развернувшейся вокруг первых писательских опытов Гоголя. С этой полемикой, на наш взгляд, соотносимо указание на литературную биографию Опискина и оценка его «трудов»: «Фома действительно сотворил когда-то в Москве романчик» из разряда тех, что и доставляли «в свое время приятную пищу для остроумия барона

Брамбеуса» [Достоевский 1972: 12]. Примечательно и упоминание в связи с Фомой Опискиным имени Поль де Кока: «Я же, впоследствии, не один раз заставлял Фому за Поль де Коком, которого он прятал при людях куда-нибудь подальше» [Достоевский 1972: 130]. Как видим, пародируя Гоголя, Достоевский выходит далеко за пределы одного произведения и даже конкретного жизненного периода писателя, припоминая детали раннего периода его творческой биографии.

По мнению В. Ш. Кривоноса, проведенная Сенковским аналогия между творчеством Гоголя и романистикой Поль де Кока, имела один любопытный эффект: «В двойном свете – благодаря парадоксам массовой литературы, присвоившей себе гоголевские произведения без согласия на то их творца – стала восприниматься и фигура самого Гоголя, неожиданно для себя представшего перед частью публики в парадоксальной роли собственного двойника» [Кривонос 2013: 260].

Двойником Гоголя-беллетриста и пародией на Гоголя-художника в «Селе Степанчикове», разумеется, является Опискин, который «все считал за обиду», «отмщая за нее при каждом удобном случае» [Достоевский 1972: 60]. Обида становится знаменем и оружием Фомы, а формы ее выражения оказываются пародийно созвучны состоянию Гоголя в ответ на отрицательную общественную реакцию на его «Переписку». Тургенев вспоминал о своей последней встрече с Гоголем, в ходе которой обнаружилось, «какою неизлечимой раной залегло на его сердце полное фиаско его “Переписки”»: «мы с покойным М. С. Щепкиным были свидетелями <...>, до какой степени эта рана болела.

Гоголь начал уверять нас – внезапно изменившимся, торопливым голосом, – что не может понять, почему в прежних его сочинениях некоторые люди находят какую-то оппозицию, что-то такое, чему он изменил впоследствии; – что он всегда придерживался одних и тех же религиозных и охранительных начал – и, в доказательство того, готов нам указать на некоторые места в одной своей, уже давно напечатанной, книге...» [Тургенев 2003: 68].

Воспоминания Тургенева написаны и опубликованы много позже, чем «Село Степанчиково», текст которого отсылает, разумеется, не к ним, а к общественной ситуации вокруг «Переписки», к общеизвестной обиде Гоголя на непонимание даже со стороны потенциальных единомышленников – славянофилов.

Достоевский своей пародией метит и в претензии Гоголя на *учительство* в самом широком смысле этого слова. Полковник Ростанев, невзначай обидевший Фому и не знающий, как загладить свою вину, обращается к нему с мольбой: «Научи, изреки...» [Достоевский 1972: 84]. Сам Фома Фомич о своей цели пребывания в Степанчикове и дальнейших планах сообщает следующее: «Посмотрю, устрою вас всех, покажу, научу и тогда прощайте: в Москву, издавать журнал! Тридцать тысяч человек будут собираться на мои лекции ежемесячно» [Достоевский 1972: 12–13]. Эти слова Опискина Ю. Н. Тынянов интерпретировал как реминисценцию к гоголевскому «Ревизору»: «Тридцать тысяч человек на лекциях – это, конечно, тридцать пять тысяч курьеров Хлестакова, но, может быть, здесь речь и о неудачном профессорстве Гоголя» [Тынянов 1977: 217]. Здесь, как нам кажется, речь и об обращении Гоголя к публицистике в завершении творческого пути, и о значении, которое Гоголь придавал своей «Переписке», и о надеждах на громкий успех.

Осмеянное в «Селе Степанчикове» желание Гоголя играть в России роль всеобщего учителя и – масштабнее – *пророка* не было чуждо и самому Достоевскому. Особенно явно это стремление обнаружилось после триумфа Достоевского на пушкинском празднике 1880 года, на котором между Тургеневым и Достоевским развернулась полемика о значении поэтического творчества А. С. Пушкина. Тургенев, сдержанный в своих оценках, выражает надежду на то, что «в недалеком времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин! – и что они повторят уже сознательно то, что нам довелось недавно слышать из бессознательно лепечущих уст: “Это памятник – учителю!”» [Тургенев 1986: 351] Достоевский, в свою очередь, постулирует: «Пушкин есть пророчество и указание» [Достоевский 1984: 137]. Г. М. Ребель, анализируя это идеологическое противостояние, делает очень важное замечание: «...произошла подмена: назван пророком был Пушкин, а явлен пророком был Достоевский. И это была совершенно сознательная, тщательно спланированная акция, увенчавшаяся успехом» [Ребель 2016: 287].

Причину успеха Достоевского и во время Пушкинского праздника, и много после него, помимо неоспоримых художественных достижений писателя, исследовательница видит в тех качествах Достоевского, которые особенно ярко проявились во время его выступления на Пушкинском празднике. «Дисгармоничный, чрезмерный, страстный, обнажающий бездны и заворающийся, обольстительный и опасный, безусловно гениальный Достоевский» [Ребель 2016: 285] в конце XIX столетия оказывается созвучен нашей трагической национальной истории и национальному менталитету.

Достоевский в последний год своей жизни приобретает необычайную популярность именно в качестве духовного наставника: он становится желанным гостем многих гостиных, к нему пишутся письма, исполненные житейскими переживаниями и требующие ответа-совета, ответа-наставления. И. Л. Волгин приводит в качестве объяснения этой славы замечание Елены Андреевны Штакеншнайдер о роли «Дневника писателя», который «сделал его [Достоевского] известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодежи, да и не одной молодежи, а всех, мучимых вопросами, которые Гейне назвал проклятыми» [Волгин 2010: 484].

Самым ярким доказательством этого, кажется, всеобщего, признания становятся похороны Достоевского, представляющие собой многочисленную процессию – до тридцати тысяч человек – по воспоминаниям А. В. Богдановича [Волгин 2010: 624]. Похоже, метившая в Гоголя формулировка о тридцати тысячах курьерах как часть творческой и жизненной программы самого Достоевского реализовалась вполне и очень точно. Впрочем, не стоит исключать, что столь точное «тридцать тысяч» могло быть навеяно современникам и подхвачено биографами ассоциативно, в связи с упоминанием этого значения в творчестве Достоевского. Но речь идет о действительно массовом прощании.

М. А. Рыкачев делится впечатлениями со своим тестем, братом писателя, Андреем Михайловичем Достоевским: «Когда вся эта небывалая до сих пор по размерам процессия, при участии массы в несколько десятков тысяч народу, растянулась по Невскому, то все это представляло торжественный, величественный вид» [Галаган 1974: 293].

И. Л. Волгин, обстоятельно описывая этот день, упоминает, в том числе, и об одном недоразумении. Исследователь обращается к мемуарам И. И. Попова:

«...Какая-то старушка, – вспоминает И. И. Попов, – спросила Григоровича: “Какого генерала хоронят?” – а тот ответил:

– Не генерала, а учителя, писателя.

– То-то, я вижу, много гимназистов и студентов. Значит, большой и хороший был учитель. Царство ему небесное!» [Волгин 2010: 626].

Этот короткий диалог очень красноречиво характеризует признание, которое в последние годы жизни Достоевский приобрел среди петербургской молодежи и в светском обществе, и одновременно – совершенное неведение о его литературных заслугах и идеологических изысканиях в народной среде.

Похоже, пародийное осмеяние претензий Гоголя на учительство, в масштабах творчества и жизненного пути Достоевского приобретает особое значение.

Заключение

В автобиографическом, содержащем также пародийные элементы, раннем романе Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» герой высказывается о пути молодого литератора следующим образом: «Чтобы перемочь <...> крепко утвердившихся в литературе витязей, нужны были труды неусыпные, самоотвержение безграничное и, кроме того, нужны были ум и деньги» [Некрасов 1984: 158].

Ретроспективно описывая путь Достоевского, начинающего немногим позже Некрасова, к этой формуле следует, безусловно, добавить талант (он является обязательным условием), а также распространить список качеств успешного писателя следующим образом: за неимением последнего (то есть денег – ресурса, которого изначально не было и у Некрасова), ум должен быть не только пытливым и острым, что само собой разумеется, но и расчетливым, направленным на перспективу.

Таким был ум Ф. М. Достоевского, развернувшем в «Селе Степанчикове» проект успешной художественной стратегии. Пародия позволила Достоевскому выкристаллизовать из наблюдений за творческой биографией Гоголя значимые и в писательском, и в философском плане элементы, яснее увидеть причины гоголевских неудач, чтобы впоследствии спроецировать эти наблюдения на собственный опыт писательской и публицистической деятельности.

Достоевский своей послекаторжной повестью осваивает механизм выведения под знаком пародии явлений современной ему литературы и писательской жизни. Механизм этот используется в дальнейшем как универсальный для создания пародийных личностей Белинского, Тургенева, пародий на личность и творчество Некрасова, позволяет системно подходить к поиску ответов на вопросы о том, как устроена литература вообще и как устраивать литературу лично ему, Достоевскому.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. АН СССР; ИРЛИ. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 799 с.
2. Библиотека для чтения. 1836. Т. 15. Отд. IV. С. 3.
3. Волгин И. Л. «Дневник писателя» как мирозозидающий проект // Вопросы философии. 2014. Т. № 5. С. 116–122.

4. Волгин И. Последний год Достоевского: исторические записки. 4-е изд, испр. и доп.: М. : АСТ: Зебра Е, 2010. 735 с.
5. Галаган Г. Я. Кончина и похороны Ф. М. Достоевского. (В письмах Е. А. и М. А. Рыкачевых) // Достоевский. Материалы и исследования. Том 1. Л. : «Наука», 1974. С. 285–304.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 4. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 552 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 543 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 456 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 518 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 22. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 407 с.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 30, кн. 1. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 455 с.
12. Жаравина Л. В. Хлестаков и князь Мышкин // Достоевский и мировая культура, 1996. № 6: СПб., «Акрополь». С. 169–182.
13. Золотуский И. П. Гоголь. М. : Молодая гвардия, 1979. 511 с.
14. Кривонос В. Ш. Гоголь, Сенковский, Поль де Кок // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Москва. 31 марта – 3 апреля 2013 г. Москва–Новосибирск : Новосибирский изд. дом, 2013. С. 252–231.
15. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь : Кн. для учителя. М. : «Просвещение», 1988. 352 с.
16. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. СПб. : Из-во Русского христианского гуманитарного института, журнал «Нева», 1997. 473 с.
17. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 8. Художественная проза. Незаконченные романы и повести, 1841–1856 гг. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 782 с.
18. Новиков В. И. Зачем и кому нужна пародия // Вопросы литературы. 1976. № 5. С. 190–213.
19. Пекуровская А. Страсти по Достоевскому: Механизмы желаний сочинителя. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 608 с.
20. Соловьев Вс. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. 2. М. : «Художественная литература», 1990. С. 197–230.
21. Ребель Г. М. Прочтение: Силовые линии русской литературы XIX века : моногр. Пермь : Aster Digital, 2016. 296 с.
22. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. ИРЛИ. 2-е изд., испр. и доп. Т. 12. М. : Наука, 1986. 813 с.
23. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. ИРЛИ. 2-е изд., испр. и доп. Т. 14. М. : Наука, 2003. 418 с.
24. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (К теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. М. : Наука, 1977. С. 198–226.

References

1. Belinskii V. G. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Vol. 6, AN SSSR, IRLI, Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1955, 799 p. (In Russ.).
2. Biblioteka dlya chteniya [Reading library]. 1836, vol. 15, otd. IV, p. 3. (In Russ.).

3. Volgin I. L. «Dnevnik pisatelya» kak mirosozidayushchii proekt [“A Writer’s Diary” as a world-creating project]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2014, vol. 5, pp. 116-122. (In Russ.).
4. Volgin I. Poslednii god Dostoevskogo: istoricheskie zapiski [The last year of Dostoevsky: historical notes]. Moscow, AST Publ., Zebra E Publ., 2010, 735 p. (In Russ.).
5. Galagan G. Ya. Konchina i pokhorony F. M. Dostoevskogo. (V pis'makh E. A. i M. A. Rykachevykh) [Death and funeral of F. M. Dostoevsky. (In letters to E. A. and M. A. Rykachev)]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 1, Leningrad, «Nauka» Publ., 1974, pp. 285-304. (In Russ.).
6. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Vol. 4, Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1951, 552 p. (In Russ.).
7. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Vol. 3, Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1972, 543 p. (In Russ.).
8. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Vol. 13, Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1975, 456 p. (In Russ.).
9. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Vol. 26, Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1984, 518 p. (In Russ.).
10. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Vol. 22, Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1981, 407 p. (In Russ.).
11. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Vol. 30, book 1, Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1988, 455 p. (In Russ.).
12. Zharavina L. V. Khlestakov i knyaz' Myshkin [Khlestakov and Prince Myshkin]. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture], 1996, no. 6, Saint Petersburg, «Akropol'» Publ., pp. 169-182. (In Russ.).
13. Zolotusskii I. P. Gogol' [Gogol]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1979, 511 p. (In Russ.).
14. Krivonos V. Sh. Gogol', Senkovskii, Pol' de Kok [Gogol, Senkovsky, Paul de Kock]. *Tvorchestvo Gogolya i russkaya obshchestvennaya mysl'. Trinadtsatye Gogolevskie chteniya* [Gogol's creativity and Russian social thought. Thirteenth Gogol Readings]. Moskva, Novosibirsk, Novosibirskii izd. dom Publ., 2013, pp. 252-231. (In Russ.).
15. Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol' [At the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow, «Prosveshchenie» Publ., 1988, 352 p. (In Russ.).
16. Mamardashvili M. Psikhologicheskaya topologiya puti [Psychological topology of the path]. Saint Petersburg, Iz-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, zhurnal «Neva» Publ., 1997, 473 p. (In Russ.).
17. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete Works and Letters]. Vol. 8, Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1984, 782 p. (In Russ.).
18. Novikov V. I. Zachem i komu nuzhna parodiya [Why and who needs a parody]. *Voprosy literatury* [Literature questions]. 1976, no. 5, pp. 190-213. (In Russ.).
19. Pekurovskaya A. Strasti po Dostoevskomu: Mekhanizmy zhelanii sochinitelya [Passions according to Dostoevsky: Mechanisms of the writer's desires]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, 608 p. (In Russ.).
20. Solov'ev Vs. S. Vospominaniya o F. M. Dostoevskom [Memories of F. M. Dostoevsky]. *F. M. Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the memoirs of his contemporaries]. Vol. 2, Moscow, «Khudozhestvennaya literatura» Publ., 1990, pp. 197-230. (In Russ.).
21. Rebel' G. M. Prochtenie: Silovye linii russkoi literatury XIX veka [Reading: The power lines of Russian literature of the 19th century]. Perm, Aster Digital Publ., 2016, 296 p. (In Russ.).
22. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete Works and Letters]. Vol. 12. Moscow, Nauka Publ., 1986, 813 p. (In Russ.).

23. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 14, Moscow, Nauka Publ., 2003, 418 p. (In Russ.).

24. Туньянов Ю. Н. *Dostoevskii i Gogol' (K teorii parodii)* [Dostoevsky and Gogol (Towards the theory of parody)]. *Туньянов Ю. Н. Poetika. Istoriya literatury* [Туньянов Ю. Н. Poetics. History of literature]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 198-226. (In Russ.).

Сведения об авторе

Н. А. Макурина – кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

N. N. Makurina – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Language Teaching Methods, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 12.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 12.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 39–47.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 39-47.

Научная статья

УДК 81.42

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-39-47

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛИЗАЦИИ БИБЛЕИЗМА “АГНЕЦ БОЖИЙ” В ЦЕРКОВНО-БОГОСЛОВСКОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ

Дарья Сергеевна Тюрина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
dariatiurina1211@gmail.com

Аннотация. Библизмом называют библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык. Особенность библизмов заключается в том, что они зачастую деконтекстуализированы в восприятии говорящего и реципиента, не осознаваемы как “заимствования” из Библии. Современная лингвистика все чаще обращается к проблеме актуализации библизмов как лингвокультурем в различных типах дискурсов. В современной лингвистике существует необходимость диахронического и синхронического анализа фразеологических библизмов в аспекте репрезентации лингвокультурных смыслов и выполнения ими прагматической функции. Статья посвящена прагматическим аспектам актуализации библизма «Агнец божий» в современных церковно-богословском и медийном дискурсах. Подробно рассматриваются этимология, формы, семантические трансформации и синтаксические особенности употребления библизма. Автор акцентирует внимание на способности библизмов менять прагматику высказывания за счет контраста архаичной и более нейтральной лексики в рамках медийного дискурса. Также подчеркивается, что даже в рамках церковно-богословского дискурса прослеживается «многослойность» семантического потенциала библизма. В зависимости от дискурса библизм *агнец божий* может употребляться для описания: 1) невинного, кроткого, в ряде случаев – храброго, избранного человека (богословский дискурс); 2) человека, выдающего себя за невинную жертву (медийный дискурс), причем в этом случае высказывание приобретает, как правило, форму вопроса или утверждения с отрицательными частицами. Отметим также, что в рамках современного употребления библизма (за пределами богословского дискурса) критическая тональность актуализируется за счет контраста между книжным, архаичным фразеологизмом *агнец божий* и более соседствующей с ним нейтральной лексикой.

Ключевые слова: фразеологический библизм, церковно-богословский дискурс, медийный дискурс, сема, прагматический эффект

Для цитирования: Тюрина Д. С. Прагматические аспекты актуализации библизма “агнец божий” в церковно-богословском и медийном дискурсах // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 39–47. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-39-47>

Original article

PRAGMATIC ASPECTS OF ACTUALIZATION OF THE “АГНЕЦ БОЖИЙ” BIBLEISM IN CHURCH-THEOLOGICAL AND MEDIA DISCOURSES

Daria S. Tyurina

Perm State National Research University, Perm, Russia, dariatiurina1211@gmail.com

Abstract. Bibleism is a biblical word or expression that has entered the common language. The peculiarity of bibleisms is that they are often decontextualized in the perception of the speaker and the recipient, and are not realized as “borrowings” from the Bible. Modern linguistics increasingly addresses the problem of actualization of biblical studies as linguistic cultures in various types of discourses. In modern linguistics, there is a need for diachronic and synchronic analysis of phraseological biblical expressions in terms of actualization of linguistic and cultural meanings and their pragmatic function. The article is devoted to the pragmatic aspects of actualization of the “Lamb of God” Bibleism in modern church theological and media discourses. The etymology, forms, semantic transformations and syntactic features of the use of Bibleism are considered in detail. The author focuses on the ability of biblical studies to change the pragmatics of utterance due to the contrast of archaic and more neutral vocabulary within the framework of media discourse. It is also emphasized that even within the framework of church theological discourse, the “multilayered” semantic potential of Biblical studies can be traced. Depending on the discourse, the lamb of God bibleism can be used to describe: 1) an innocent, meek, in some cases – a brave, chosen person (theological discourse); 2) a person posing as an innocent victim (media discourse), and in this case the statement usually takes the form of a question or statement with negative particles. It should also be noted that within the framework of the modern use of Bibleism (outside the theological discourse), the critical tonality is actualized due to the contrast between the bookish, archaic phraseology lamb of God and the more neutral vocabulary adjacent to it.

Keywords: phraseological bibleism, church theological discourse, media discourse, sema, pragmatic effect.

For citation: Tyurina D. S. Pragmatic aspects of actualization of the “агнец божий” bibleism in church-theological and media discourses. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:39-47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-39-47>

Введение

Библеизмом называют библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык [Ахманова 1966: 63]. Особенность библеизмов заключается в том, что они зачастую деконтекстуализированы в восприятии говорящего и реципиента, не осознаваемы как “заимствования” из Библии. Современная лингвистика все чаще обращается к проблеме актуализации библеизмов как лингвокультурем в различных типах дискурсов. Можно упомянуть работы по синхроническому и диахроническому анализу библеизмов [Боллигер 2005; Матвеева 1996; Семенова 2003; Шанский 1996], в том числе словари [Адамия 2005; Грановская 2003; Дубровина 2010; Жуковская 2006; Шулежкова 2011]. В наиболее поздних исследованиях разрабатываются содержательные, лингвокогнитивные, семантические [Шалгина, Шустова, Федорова 2020] и аксиологические аспекты библейских микроконтекстов [Шустова, Яхьяпур 2020].

Основная часть

В рамках «библейского поля исследования» остаются лакуны. Их можно выявить, обратившись к работам о паремиях и паремийных трансформантах в целом [Шустова 2018], а также к трудам, посвященным вопросу каузации эмоциональной модификации в паремиях [Сюткина, Шустова 2019]. Проанализировав исследования о паремиях, можно прийти к выводу, что, хотя многие аспекты (в том числе прагматический) подробно рассматривались, в том числе – в диахронии, лингвопрагматический и лингвокультурный потенциалы именно библейских фразеологизмов остаются недостаточно разработанными.

В современной лингвистике существует необходимость диахронического и синхронического анализа фразеологических библеизмов в аспекте актуализации лингвокультурных смыслов и выполнения ими прагматической функции. Ориентируясь на данную установку, рассмотрим номинативно-адъективный библеизм *агнец Божий*, который в разных контекстах может употребляться в связке с определением *непорочный* или сравнительными частицами *будто, как будто, словно, точно*. *Агнец Божий* (книжн.) – кроткий, чистый, невинный, смиренный, послушный человек [ЭСФБ 18]. Выражение встречается и в Ветхом, и в Новом Завете. Агнцы (то есть ягнята) приносились израильтянами в жертву Богу. Так, Авраам, желая доказать Господу свою преданность, решает принести в жертву своего сына Исаака как агнца для всеожождения [Быт. 22: 7–8]. В Исходе упоминается агнец без порока, которого должны были принести в жертву, то есть заклать, в честь Пасхи [Исх. 12: 5].

Жертвенные агнцы должны были быть непорочны и обязательно здоровы: *Никакого животного, на котором есть порок, не приносите, ибо это не принесет вам благоволения...* [Лев. 22: 20–22]. Возможно, именно вера в то, что в процессе сожжения эти характеристики, ассоциируемые с добродетелью, “перенесутся” на человека, заставляла древних считать, что кровь маленького наивного существа очистит их от греха.

Образ агнца в библейской истории проходит стадию метафоризации: кротким агнцем называет себя пророк Иеремия: *А я, как кроткий агнец, ведомый на заклание, и не знал, что они составляют замыслы против меня...* [Иер. 11: 19]. На протяжении всей библейской истории складывается образ агнца как существа кроткого, невинного и безгласного.

Библеизм *агнец Божий* также известен как одно из именовании Христа (и в этом значении оба компонента библеизма, как правило, пишутся с большой буквы), агнца непорочного и чистого, готового принести искупительную жертву и, в некотором смысле, предназначенного для этой жертвы: *Господь возложил на него грехи всех нас <...> как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущими его безгласен <...>* [Ис.53: 6–7]; *... Не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого агнца* [1Пет: 1: 18–19]; *Вот Агнец Божий, который берет на себя грех мира* [Иоан. 1: 29].

В варианте *агньць непорочьнь* (книжн.) библеизм встречается во фразеологическом словаре старославянского языка под редакцией С. Г. Шулежковой. Здесь *агнец непорочный* – невинный, незлобивый, кроткий, простодушно-покорный, безвольный человек [ФССЯ 36]. Уточняется, что жертвенным агнцем у иудеев был, как правило, первенец в стаде. Оба словаря фиксируют, помимо книжно-нейтрального, ироническое употребление библеизма:

агнцем можно назвать лицемера, выдающего себя за невинную, беззащитную жертву. Так, в современном медийном дискурсе возможен вариант *прикидываться/прикинуться агнцем (Божьим)* [ЭСБФ 534, ФССЯ 36]: *В суде-то он прикинулся агнцем Божьим. Не сразу вспомнил, что ранее был судим за кражу. Попал под амнистию, но выводы для себя не сделал. // Амурский меридиан (Хабаровск), 05.03.2003 [ЭСБФ 534]; Каддафи не агнец божий, но жизненный уровень в Ливии значительно выше нашего – и это факт [Sketch Engine]; Отсюда не следует, что в России управляют агнцы божьи [Sketch Engine]; И Алла Пугачева – агнец божий? [Sketch Engine]*

В варианте *agneau* и *agneau de Dieu* (о страдающем за других человеке) библеизм представлен и в комментированном словаре французских библеизмов Н. П. Жуковской.

Voici l'agneau qui enlève le péché du monde [Jn.1,29,36;Ac.8,32<...>].

Кровь беспорочного ягненка символизировала освобождение от смерти, поскольку была прообразом жертвы, принесенной Христом. Также уточняется, что хотя в жертву могли быть принесены голуби, быки и другие животные, именно пасхальной жертвой мог быть лишь ягненок [БФЯ 26]. Интересно, что в словаре не фиксируется ироническое значение библеизма. В словарной статье также приводится вариант *agneau mystique* как еще одно именование Сына Божьего. В раннехристианской иконографии Иисус изображается в виде агнца с крестом, то есть можно сделать вывод о том, что образ Христа-ягненка был закреплен в том числе визуально [там же]. Исходя из данных, указанных на официальном сайте Русской православной церкви, можно заключить, что буквальная трактовка образа агнца характерна для Ветхого завета, а вот метафорическая (в особенности – представление Иисуса как агнца) – для Нового завета. Также уточняется, что жертва всесожжения могла приноситься за грех, для очищения священника, святилища, народа, матери после родов, вернувшихся из плена, на праздники трубного звука, кущей, в день искупления [эл. ресурс].

Приводятся и конкретные источники библеизма. Так, отмечается, что выражение можно встретить в псевдоэпиграфах межзаветной эпохи [Завещание Иосифа 19. 8–11; Завещание Вениамина 3. 8]. Образ агнца же широко использовался в церковном искусстве до запрета 82-м правилом Трулльского Собора (*Сего ради, дабы и искусством живописания очам всех представляемо было совершенное, повелеваем отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представляти по человеческому естеству вместо ветхаго агнца*), он распространен в литургических песнопениях (*Великое славословие, Agnus Dei, тропари канона Пасхи*), в чине протесиса и проч. [эл. ресурс].

Проанализируем, как библеизм функционирует в рамках церковно-богословского и медийного дискурсов: *Такое представление о Боге исходит именно из того, что я раньше говорил о сотворении человека любовью Божественной, и притом любовью крестной: Агнец Божий, закланный до создания мира, реально, телесно заколается в сердцевине мировой истории. Митрополит Антоний (Блум). О Боге (1982), [НКРЯ].*

Приведенная цитата – пример церковно-богословского дискурса из книги епископа Русской православной церкви митрополита Сурожского. Здесь *Агнец Божий* (то есть Иисус) представлен как жертва, чья судьба – быть закланной, то есть “заколотой”, (*Агнец Божий, закланный до создания мира, реально, телесно заколается в сердцевине мировой истории*), причем образ этой жертвы акцентировано положительный: Иисус-Агнец представлен как пример принятия своей судьбы, смирения перед лицом Бога, самоотверженности. Это

образец для поведения каждого христианина. Жертва Христа (и жертва как таковая, синоним добродетели) мыслится как символ Божественной любви, творящей человека (*Такое представление о Боге исходит именно из того, что я раньше говорил о сотворении человека любовью Божественной*).

Словарное значение слова *жертва* – *ж. пожираемое, уничтожаемое, гибнущее; что отдаю или чего лишаюсь невозвратно. | Приношение от усердия божеству: животных, плодов или иного чего, обычно с сожиганием; | отречение от выгод или утех своих по долгу или в чью пользу; самоотвержение и самый предмет его, то, чего лишаюсь. | Пострадавший от чего-либо есть жертва причин этих* [ТСЖВЯ, эл. ресурс]. Как видим, словарное определение фиксирует семы “уничтожаемый”, “самоотверженный”, “пострадавший”. Приводится и архаичное значение слова: *напрасный, клеветной, обидный*.

В церковно-богословской трактовке “жертвы” актуализируются значения “самоотверженный”, “христианин”, “храбрый”, “пример для подражания”, что репрезентировано и в приведенном примере. Жертва мыслится в первую очередь как пример добродетельной храбрости отказа от “я”, это то, к чему следует стремиться, а не то, чего следует избегать (чтобы не пострадать, не быть уничтоженным и т. д.). Более того, эта жертва – необходимость, и для Бога, и для людей, задача которых – вести себя так, чтобы жертва Христа не была напрасной. Анализируя цитату Антония Блума и библейский образ жертвы в целом, можно выявить прагматический эффект использования данного библеизма в церковно-богословском дискурсе: жертва Христа и (и жертва как таковая, экстраполируемая на каждого) должна вызывать восхищение и благоговение, а также надежду на искупление греха. Жертва божественного агнца – своего рода незаслуженная милость Бога (причем и Бога-отца, который жертвует своим сыном, и самого Бога-сына), аванс, который нужно искупить, заслужить, но, в отличие от жертвы “нерелигиозной”, библейская жертва предполагает под собой избранность, быть жертвой Бога – честь (семы “избранный”, “награжденный”).

Другой пример церковно-богословского дискурса: *И продолжаем: Христос Новая Пасха, живожертвенная жертва, Агнец Божий, возьмешь грехи мира. Монахиня Игнатия (Петровская). Божественная литургия (1945–1957), [НКРЯ]*. В данном случае актуализируются семы “воскресший” (Пасха – воскресение Христа), “пострадавший” (живожертвенная жертва) и “принимающий судьбу”, “осознающий необходимость” (взять – то есть брать на себя – грехи мира – судьба Христа). Автор стремится вызывать сострадание к Христу, но, в то же время, признать необходимость и некоторую неизбежность жертвы.

Рассмотрим более подробно связку *Христос Новая Пасха*. В переводе с древнееврейского слово «пасха» означает «исход», «избавление», «переход от смерти к жизни» и у христиан считается праздником воскресения Христа после распятия, хотя первое, иудейское значение слова, связано с праздником в память избавления иудейского народа от египетского рабства. Новая Пасха – новое воскресение – своего рода воздаяние за ранее принесенную жертву во имя спасения, то есть Агнец Божий мыслится как жертва, за которую воздастся, а само воскресение – как событие радостное, долгожданное.

Однако библеизм *агнец божий* встречается не только в церковно-богословском дискурсе. Широкое применение он получил в медиасфере, в частности – в качестве

компонента характеристики политиков: *Кадафи не агнец божий, но жизненный уровень в Ливии значительно выше нашего – и это факт* [Sketch Engine]. Или: *Отсюда не следует, что в России управляют агнцы божьи* [Sketch Engine]. Как видим, в обоих случаях присутствует отрицание *не агнец божий*. Библизму в данном контекстном выражении можно поставить в соответствие фразеологизм “не без греха”: *Кадафи не без греха, но жизненный уровень в Ливии значительно вырос; отсюда не следует, что в России управляют люди без греха*. Употребление библизма в отрицательной форме в современном медийном дискурсе можно считать маркером иронии, причем такая ирония выражается во многом за счет формы высказывания – книжное архаичное *агнец божий* на контрасте с более нейтральной лексикой акцентирует сему “невинный”, “безгрешный”. Такой эффект достигается во многом благодаря выбору семантически более насыщенного варианта: *Агнец Божий* – крайняя степень безгрешности, библизм семантически сильнее определения “невинный” или “безгрешный”.

Данное значение актуализируется и в вопросительных предложениях: *И Алла Пугачева – агнец божий?* [Sketch Engine]. Интересно, что в обоих случаях библизм не нуждается в дополнительных определениях (выражение *невинный / безгрешный агнец божий* звучало бы плеонастично). Это говорит о том, что сема непорочности является для библизма имманентной. Отметим также и то, что во всех трех примерах медийного дискурса библизм становится маркером критики и сомнения.

Заключение

Таким образом, в зависимости от жанра дискурса библизм *агнец божий* может употребляться для описания: 1) невинного, кроткого, в ряде случаев – храброго, избранного человека (богословский дискурс); 2) человека, выдающего себя за невинную жертву (медийный дискурс), причем в этом случае высказывание приобретает, как правило, форму вопроса или утверждения с отрицательными частицами. Отметим также, что в рамках современного употребления библизма (за пределами богословского дискурса) критическая тональность актуализируется за счет контраста между книжным, архаичным фразеологизмом *агнец божий* и более соседствующей с ним нейтральной лексикой.

Список литературы

1. Адамия Н. Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений. М. : Наука: Флинта, 2005. 344 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 605 с.
3. Боллигер Е. И. Сопоставление использования библизмов в институциональном дискурсе разных культур : дисс. ... к. филол. наук. Тверь, 2005. 232 с.
4. Грановская Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. М. : Астрель: АСТ, 203. 288 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: slovardalja.net (дата обращения: 12.05.2023) – ТСЖВЯ
6. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта, 2010. 805 с. – ЭСФБ

7. Жуковская Н. П. Библизмы французского языка. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 381 с. – БФЯ
8. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. [Электронный ресурс]. URL: ruscorgora.ru (дата обращения: 15.03.2023).
9. Матвеева Н. П., Макаров В. И. Библизмы в русской словесности (фрагменты словаря) // Русская словесность. 1995. № 3. С. 87–91.
10. Многоязычный корпус Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: sketchengine.eu (дата обращения: 15.03.2023) – Sketch Engine
11. Семенова Е. С. Библизм как средство речевого воздействия : дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 148 с.
12. Синодальный перевод Библии [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/syn/> (дата обращения: 05.02.2023).
13. Сюткина Н. П., Шустова С. В. К вопросу о проблеме перевода междометных фразеологических единиц в ситуации каузации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № S4 (2). С. 34–39.
14. Шалгина Е. А., Шустова С. В., Федорова И. А. Религиозный компонент значения в содержании концепта "CHARITE" // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 468–471.
15. Шанский Н. М. Евангельский текст и фразеология русского языка // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 49–53.
16. Шулежкова С. Г. Фразеологический словарь старославянского языка. М. : Флинта, Наука, 2011. 416 с. – ФССЯ
17. Шустова С. В. Прагматический потенциал паремий и паремийных трансформантов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2018. № 4. С. 5–11.
18. Шустова С. В., Яхьяпур М. Ценностные представления о Небе и Земле: лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 3. С. 197–204.

References

1. Adamiya N. L. Russko-anglo-nemetskii slovar' poslovits, pogovorok, krylatykh slov i Bibleiskikh izrechenii [Russian-English-German dictionary of proverbs, sayings, catchphrases and Bible sayings]. Moscow, Nauka, Flinta Publ., 2005, 344 p. (In Russ.).
2. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966, 605 p. (In Russ.).
3. Bolliger E. I. Sopostavlenie ispol'zovaniya bibleizmov v institutsional'nom diskurse raznykh kul'tur [Comparison of the use of biblical words in the institutional discourse of different cultures]. PhD thesis. Tver', 2005, 232 p. (In Russ.).
4. Granovskaya L. M. Slovar' imen i krylatykh vyrazhenii iz Biblii [Dictionary of names and popular expressions from the Bible]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2003, 288 p. (In Russ.).
5. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. (In Russ.). Available at: slovardalja.net (accessed: 12.05.2023) – TSZhVYa (In Russ.).
6. Dubrovina K. N. Entsiklopedicheskii slovar' bibleiskikh frazeologizmov [Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseologisms]. Moscow, Flinta Publ., 2010, 805 p. – ESFB (In Russ.).
7. Zhukovskaya N. P. Bibleizmy frantsuzskogo yazyka [Biblical words in French]. Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2006, 381 p. – BFYa (In Russ.).
8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. 2003-2022. [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: ruscorpora.ru (accessed: 15.03.2023).

9. Matveeva N. P., Makarov V. I. Bibleizmy v russkoi slovesnosti (fragmenty slovary) [Biblicalisms in Russian literature (fragments of the dictionary)]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature]. 1995, no. 3, pp. 87-91. (In Russ.).
10. Mnogoyazychnyi korpus Sketch Engine. [Sketch Engine Multilingual Corpus]. (In Russ.). Available at: sketchengine.eu (accessed: 15.03.2023) - Sketch Engine
11. Semenova E. S. Bibleizm kak sredstvo rechevogo vozdeistviya [Biblicalism as a means of speech influence]. PhD thesis. Tver', 2003, 148 p. (In Russ.).
12. Sinodal'nyi perevod Biblii. [Synodal translation of the Bible]. (In Russ.). Available at: <https://bible.by/syn/> (accessed: 05.02.2023).
13. Syutkina N. P., Shustova S. V. K voprosu o probleme perevoda mezhdometnykh frazeologicheskikh edinit v situatsii kauzatsii emotsional'noi modifikatsii [On the issue of translating interjection phraseological units in situations of causation of emotional modification]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2019, no. S4 (2), pp. 34-39. (In Russ.).
14. Shalgina E. A., Shustova S. V., Fedorova I. A. Religiozniy komponent znacheniya v sodержanii kontsepta "CHARITE" [Religious component of meaning in the content of the concept "CHARITE"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2020, no. 2 (81), pp. 468-471. (In Russ.).
15. Shanskii N. M. Evangel'skii tekst i frazeologiya russkogo yazyka [Gospel text and phraseology of the Russian language] *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 1995, no. 3, pp. 49-53. (In Russ.).
16. Shulezhkova S. G. Frazeologicheskii slovar' staroslav'yanskogo yazyka [Phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 416 p. - FSSYa (In Russ.).
17. Shustova S. V. Pragmatischekii potentsial paremii i paremiinykh transformantov [Pragmatic potential of proverbs and proverb transformants]. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* [Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences]. 2018, no. 4, pp. 5-11. (In Russ.).
18. Shustova S. V., Yakh'yapur M. Tsennostnye predstavleniya o Nebe i Zemle: lingvokul'turologicheskii analiz frazeologizmov i paremii russkogo yazyka [Value ideas about Heaven and Earth: linguocultural analysis of phraseological units and proverbs of the Russian language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 197-204. (In Russ.).

Информация об авторе

*Д. С. Тюрина – аспирант, преподаватель, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

Information about the author

*D. S. Tyurina – Postgraduate Student, Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 10.06.2023; одобрена после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 10.06.2023; approved after reviewing 15.07.2023; accepted for publication 10.09.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 48–57.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 48-57.

Научная статья

УДК 82.0 821.161.1 82-31

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-48-57

БЛОГ КАК АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ. КАК СДЕЛАН РАССКАЗ Т. ТОЛСТОЙ «ПРО ОТЦА»

Филипп Андреевич Катаев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
kataev.fil@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу рассказа российской писательницы Татьяны Толстой «Про отца». Рассказ входит в сборник «Легкие миры» (2014 г.). На примере разбора одного рассказа показывается, какие изменения претерпела авторская поэтика писательницы в 2010-х гг. Казалось бы, небольшое изменение, – переход к повествованию от первого лица, – позволил создавать тексты, на стыке эпистолярности и мемуаров, с сильным лирическим началом и эффектом документальности. При этом типичные черты авторской поэтики Т. Толстой, выделяемые исследователями на материале ее более ранних текстов, остались прежними. Рассказ «Про отца» написан в форме монолога с одной диалоговой вставкой. Сюжет разворачивается в субъективном пространстве памяти повествователя. Это позволяет посмотреть текст, как на лирическое высказывание. Выверенная стилистика авторского письма позволяет провести структуралистский разбор рассказа, фиксируя по абзацам, как и с помощью каких средств художественной выразительности, меняется лирический сюжет рассказа. В итоге мы можем наблюдать как из одного маленького бытового воспоминания вырастает авторское рассуждение о смерти, бессмертии и любви. В конце статьи предпринята попытка атрибутировать результаты анализа в русле тенденций развития современной русской литературы. Вернее, ее сегмента, испытавшего на себе воздействие дигитальных технологий. С начала 2010-х гг. Т. Толстая стала активно развивать свои авторские блог-площадки. Сетевой блог рассматривается как медиатекст, где сочетаются традиция эпистолярной литературы и то, что М. Бахтин называл «речевыми жанрами». Маркеры обоих явлений можно заметить и в рассказе «Про отца», и во всем сборнике в целом.

Ключевые слова: Т. Толстая, блогерская литература, сетевая литература, эпистолярность, речевые жанры, современная русская литература.

Для цитирования: Катаев Ф. А. Блог как авторская стратегия. как сделан рассказ Т. Толстой «Про отца» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 48–57. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-48-57>

Original article

BLOGGING AS AN AUTHOR'S STRATEGY. HOW T. TOLSTOY'S STORY "ABOUT FATHER" IS MADE

Philip A. Kataev

Perm State University, Perm, Russia, kataev.fil@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the story "About Father" by Russian writer Tatiana Tolstoy. The story is included in the collection "Easy Worlds" (2014). On the example of analyzing one story it is shown what changes the writer's poetics underwent in the 2010s. A seemingly small change – the transition to first-person narrative – allowed to create texts at the intersection of epistolary and memoirs, with a strong lyrical beginning and the effect of documentary. At the same time, the typical features of Tolstoy's authorial poetics, emphasized by researchers on the material of her earlier texts, remained the same. The story "About Father" is written in the form of a monologue with one dialog insertion. The plot unfolds in the subjective space of the narrator's memory. This allows us to look at the text as a lyrical statement. The verified stylistics of the author's writing allows us to conduct a structuralist analysis of the story, recording paragraph by paragraph how and with the help of what means of artistic expression the lyrical plot of the story changes. As a result, we can observe how from one small everyday memory grows the author's reasoning about death, immortality and love. The article ends with an attempt to attribute the results of the analysis to the trends in the development of contemporary Russian literature. More precisely, its segment, which has experienced the impact of digital technologies. Since the early 2010s, T. Tolstaya began to actively develop her author's blog platforms. The online blog is considered as a media text that combines the tradition of epistolary literature and what M. Bakhtin called "speech genres". Markers of both phenomena can be seen in the story "About Father" and in the collection as a whole.

Keywords: T. Tolstaya, blogger literature, network literature, epistolary, speech genres, modern Russian literature.

For citation: Kataev Ph. A. Blogging as an author's strategy. How t. tolstoy's story "about father" is made. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:48-57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-48-57>

Введение

Литературная судьба Татьяны Толстой типична и уникальна одновременно. С одной стороны, начало карьеры писательницы можно описать в логике вполне традиционного нарратива истории позднесоветской и постсоветской литературы. Дебют состоялся в 1983 году с публикации рассказа «На золотом крыльце сидели...» в журнале Аврора, обратившего на себя внимание критики [Лейдерман, Липовецкий 2003: 467]. Спустя четыре, в 1987 году, года дебютный рассказ расширился до одноименного сборника. Уже опираясь на эти даты, можно вписать творчество Т. Толстой и в традицию женской прозы, поставив ее в ряд с Л. Петрушевской и Л. Улицкой [Пушкар 2007]. С таким же успехом можно интерпретировать прозу Т. Толстой в русле позднесоветского постмодернизма [Алгунова, Сафонова, Аксенова 2019], представленного романами В. Сорокина, В. Пьецуха, Д. Галковского и др.

Но, с другой стороны, Татьяна Никитична заработала весь свой литературный символический капитал, работая на дистанции малой прозы. Это и в самом деле нетипичный случай. Ее единственный роман «Кысь» хоть и стал со временем культовым, в год публикации не смог получить самую престижную на тот момент премию «Русский букер», уступив «Казусу Кукоцкого» Л. Улицкой¹. Зато рассказы Т. Толстой всегда вызывали интерес и критиков, и академических исследователей, и школьных учителей, стремящихся продемонстрировать старшеклассникам пример современной, мастерски написанной, литературы.

¹ Роман был удостоен двух премий: «Триумф» и спустя десять лет после выхода, получил статус романа десятилетия по мнению студенческого жюри премии «Студенческий букер» [Литературная премия Студенческий Букер десятилетия].

Основная часть

Поэтику рассказов Толстой отличают пессимистические настроения, ярко выраженный образ повествователя, через который проявляется сказовая манера, обилие мифологических символов и фольклорных мотивов [Сергеева 2013]. По замечанию Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, «сказочность придает стилю Толстой особого рода праздничность, выражающуюся прежде всего в неожиданных сравнениях и метафорах» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 467]. Скрытую и явную метафору можно назвать одним из центральных приемов поэтики рассказов Т. Толстой. Метафора может быть смыслообразующим началом всей истории, как, например, в рассказе «Охота на мамонта», где героиня не может дожидаться от сожителя предложения выйти замуж. Через метафору может раскрываться центральный герой рассказа. Так, в рассказе «Петерс», отсутствие социализации героя приравнивается среди прочего к его незнанию немецкого языка, который он в детстве учил с бабушкой.

Столь же значимое место метафорика занимает и на уровне авторской стилистики, обогащая и углубляя повествование. Лингвопоэтический аспект рассказов Т. Толстой представляет собой отдельное направление для исследователей (см. например [Новикова, 2013]). Наполненная тропами проза Толстой создает эффект бесконечного семиотического двигателя. Стиль Толстой усиливает восприятие художественного текста, как текста, перенасыщенного значением [Лотман, Чернов, 1997: 775]. Однако все вышесказанное имеет отношение преимущественно к рассказам, изданным до 2010-х, историям, где можно провести отчетливую черту между героем и рассказчиком. Начиная с книги «Легкие миры», авторская поэтика Т. Толстой начинает меняться. На обложке первого издания «Легких миров» (2014 г.) приводятся слегка ироничные слова А. Гениса: «В новой прозе Татьяна Толстая совершила революцию: перешла от третьего лица к первому». Действительно, переход к авторской точке зрения от первого лица лишает рассказы былого имплицитного конфликта между рассказчиком и героями историй. Но что приходит ему на смену?

Попробуем разобраться в этом на примере анализа рассказа «Про отца».

В сборнике он располагается вторым, втиснут между двумя более крупными текстами. Ему предшествует рассказ «На малом огне», который завершается мемуарным описанием празднования золотой свадьбы родителей рассказчицы. Начало же следующего рассказ «За проезд!» представляет из себя вариацию радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», и выполнен в стилистике эмоционального монолога, близкого скорее к художественной эссеистике. То есть рассказ «Про отца» можно рассматривать как подобие интермедии, лишенной, правда, всякого комизма. В логике всего сборника он (в ряду прочих столь же небольших текстов) выполняет роль эмоциональной сцепки между двумя более крупными рассказами.

Рассказ занимает всего пять страниц и разбит на 15 абзацев с одной вставкой прямой речи. Он лишен выраженной событийности и представляет собой скорее ностальгический монолог героини, ее воспоминание об отце. При этом текст обнаруживает в себе четкий сюжет, который концентрируется не в рассказываемой истории (как, например, в предыдущем рассказе), а в настроении рассказчицы.

Малый объем текста, позволяет нам абзац за абзацем проследить развитие лирического сюжета.

Первое предложение призвано создать эффект обманутого ожидания, предлагая читателю стартовое событие, из которого, как кажется поначалу, разовьется последующая история: «Отец взял манеру приходить в заячьей ушанке, в черном драповом пальто, под верхней пуговицей угадывается драный и колючий шарф в красную клетку» [55]¹. Читатель ждет, что же последует за событием «возвращение отца», ждет новых глаголов, действия, ждет, что из стартового события вырастет событие всего рассказа. Однако уже второе предложение разрушает этот автоматизм восприятия. Происходит то, что В. Шкловский называл остранением [Шкловский 1929], только выражено оно не в авторском взгляде, а в самой логике последующего текста: «А может быть и нет никакого шарфа. Тогда, значит, шелковая, еще довоенная рубаха, голубая в белую полоску» [55]. Реальный, казалось бы, образ отца становится лишь мысленным переживаниям, менее материальным, чем «довоенная рубаха».

Собственно находка этой довоенной рубахи вместе с твидовыми брюками в одном из чемоданов со старыми вещами и является на самом деле стартовым событием, подталкивающим рассказчицу к эмоциональной рефлексии. Описание этих вещей во втором абзаце важно не только для скупой событийности текста. Описание найденной рубашки и твидовых брюк можно считать обнажением приема, на котором построен весь этот небольшой рассказ: «Цвет в целом словно бы сероватый, но твид такая вещь: если всматриваться близко, если поднести к глазам, то видишь и серый, и зеленую нитку, и красную крапку, и еще песочное что-то мелькнет, и скрип уключины, и маслянистый блеск тяжелой воды в Темзе, и жидкий, пляшущий отблеск фонаря на волне, и звук плеска, и сырой воздух, и шелковая плесень на бревнах» [55]. Фрактальное подобие большого в малом – это пафос всего рассказа. Весь текст, это тоже рассмотрение под микроскопом одного воспоминания, в котором отражается заметный пласт жизни рассказчика.

Следующие два абзаца (третий и четвертый), на первый взгляд, продолжают замысловатое, в фирменном стиле Толстой, описание старых вещей: брюки, кальсоны, детский пиджачок, красная юбка-восьмиклинка, голубая и кофейная рубашка. Примечательно, что в третьем абзаце мы видим так свойственную поэтике писательницы иронию: «А в те годы <...>, проживала другая моль, белая, основательная, со старинными манерами, с самоуважением, я полагаю, с тревогой о здоровье потомства: туда не ходите, там нафталин! Пойдемте лучше в другой чемодан!» [56]. Ирония, на первый взгляд безобъектная, направлена непосредственно ко времени. Еще одно фрактальное отражение, весь текст – это попытка осознать субстанцию времени. Поэтому описание моли здесь – не просто вариация поговорки «Раньше трава была зеленее». Это полноценная метафора ушедшей нежности, заботы, покоя. Под иронией здесь скрыто меланхоличное ощущение ушедшего навсегда.

Пятый абзац – продолжение начальной экспозиции. Воспоминания об отце как будто обретают собственную экзистенциальную независимость: «... я полюбила голубую, небесную <рубашку>, вот поэтому, наверное, он в ней приходит. Но точно я все равно не знаю, я ни разу не видела: он не снимает пальто» [56]. Заметим, что, как это часто бывает в поэтике писательницы, она оперирует сложными чувствами и переживаниями. Здесь мы можем одновременно наблюдать и проявление собственной воли у образа-воспоминания, и его зависимость от памяти рассказчицы. В итоге изначальное ностальгическое чувство

¹ Здесь и далее текст цитируется по первому изданию сборника «Легкие миры» [Толстая 2014]

(воспоминание об отце) трансформируется в ощущение взаимной сопричастности судеб рассказчицы и ее отца, переводя интонацию рассказа на более сокровенный уровень переживания. В конце абзаца появляется слово «смерть», заканчивая формирование сложной и долгой экспозиции: образ рассказчицы, образ умершего отца, их стойкая взаимосвязь.

Шестой и седьмой абзацы примечательны двумя деталями.

Во-первых, все происходящее внезапно названо сном («Ему, наверное, лет тридцать пять, в сумерках сна не разглядеть возраста...» [57]). Сон традиционно более гибкое пространство, нежели пространство памяти. Сон – это способ соприкосновения с иными мирами, людьми, событиями.

Во-вторых, уточнение возраста отца: «вроде бы <...> тридцать пять. Он младше моих детей» [57]. И далее в следующем абзаце: «Они-то знали его уже старым...» [57]. Градус сокровенного повышается. Подчеркивается, что образ отца, который приходит к рассказчице – это именно *ее образ*. И ничей более. Образ типичный для рассказчицы и неизвестный всем остальным.

Далее, начиная с восьмого абзаца начинается отход от монологичной структуры рассказа. Образ отца создан, в рамках текста он обрел свое бытие. Он уже не воспоминание, а сущность, полноценный герой. Поэтому совершенно естественно, что герой обретает в рассказе свое слово. Сначала это косвенная речь: «Помню, как он приходил посидеть у моей постели перед сном и рассказывал про то, как устроен мир. Про орбиты электрона. Про волны и частицы. Про скорость света. Про то, что быстрее света лететь нельзя: у тела есть масса, и масса эта растет вместе со скоростью, до бесконечности. Телу нельзя, а свету можно» [57]. Данный отрывок – концентрация пафоса всего рассказа. Его принципиальную значимость можно прочувствовать на нескольких уровнях:

1. Здесь есть своя мелодика, свой ритм речи: обилие глухого «П» и вибранта «Р», которые есть и в названии рассказа, наконец срезонировали здесь, повышая эмоциональный градус текста, напитывая его энергией и скрытой силой.

2. Мы чувствуем риторическую градацию. Единоначатие предложений, их парцелляция – конструкция экспрессивного синтаксиса, которая подготавливает читателя к ключевой фразе всего рассказа («Телу нельзя, а свету можно»).

3. Отрывок формально можно трактовать как «рассказ в рассказе». Образ рассказчицы здесь раздваивается: она уже старше того образа отца, который жив в ее памяти, но на подступах к кульминационной части текста ей снова десять лет.

И последнее замечание касательно данного отрывка. Градус переживания здесь достигает высшей точки и выходит на небольшое плато: следующий абзац и, наконец, прямая речь отца.

Девятый абзац держит эмоциональный настрой и немного концептуализирует предыдущую часть. Рефреном звучит вопрос: «... из чего сделан этот мир? Из чего он сделан?» [57].

И далее приведена прямая речь отца, отвечающего на вопрос об устройстве мира. Это десятый из пятнадцати абзацев, на которые поделен рассказ. Композиционно прямая речь совпадает с кульминацией – она располагается в финале второй трети рассказа, месте, хрестоматийно считающимся моментом точки бифуркации. Однако эмоциональный и философский накал («из чего сделан этот мир?») спадает вследствие эффекта обманутого

ожидания, приема из начала текста. Отвечая на вопрос, отец из воспоминания рассказчицы говорит: «Ну хорошо, если я скажу, что он сделан из меди – это как, годится? Из капустного сока? Тоже нет? Вот смотри: существует электромагнитное поле... Ты, что спишь?..» [58].

Накал завершается нарочитой иронией. Иронией отца по отношению к дочери, иронией рассказчицы по отношению к читателю. Эмоциональный накал спадает, казалось бы, завершается ничем, шуткой. Рассказ вступает в более спокойную стадию развязки, содержащую еще один эмоциональный рефлекс от предкульминативной части.

Одиннадцатый абзац посвящен описанию страха отца перед неизбежностью смерти и попыткам дочери переубедить его, что смерти нет. Данный абзац – зеркальное отражение восьмого. В них рифмуются начало и конец. В обоих вначале читаем: «я помню его...». В обоих один и тот же конец: «телу нельзя, а свету можно». Можно подметить и другие, менее заметные параллели. Снова описание косвенной речи, но теперь уже пересказываются слова дочери (мы помним, что в результате рассказа в рассказе образ повествователя раздваивается). В словах дочери также есть ассонансные вкрапления, добавляющие им риторической эмоциональности. Только здесь восходящее звучание «ПРО» (глухой → вибрант → гласный) заменяется на столь же ритмичное, но более спокойное «ТАМ» (глухой → гласный → сонорный). Финальная фраза – «телу нельзя, а свету можно» – также произносится дочерью. Но если в восьмом абзаце акцент во фразе делался на слове «тело», то сейчас, очевидно, на первое место по своей смысловой наполненности выходит слово «свет». В этом месте мы можем почувствовать, что это текст не о воспоминании об отце, не о прошлом, не о тайном и сокровенном. Вернее, обо всем этом, но не только. Это текст о бессмертии. Но, опять же, не только. В финальном предложении этот смысл претерпит еще одну метаморфозу.

Двенадцатый и тринадцатый абзац (начинаются со слов «За месяц до смерти» и «Никогда он меня не обманывал» соответственно) – это возвращение к стартовому событию рассказа, но уже с учетом нового взгляда читателя: «он [отец] сказал мне, что поскольку он, видимо, умрет раньше меня, то пришлет мне оттуда весть. Особый знак. Специальное слово. Расскажет, как там» [58–59]. Финальная часть замыкается на стартовое событие. Весь рассказ теперь предстает перед читателем подробным объяснением эмоционального состояния рассказчицы. Объяснением первого предложения рассказа, чтобы читатель имел шанс понять, что это событие значит для рассказчицы, как оно ей переживается. Здесь можно выделить тот же прием синтаксической парцелляции: процитированный отрывок завершается тремя короткими отрывочными предложениями. В отличие от парцелляции в кульминационной части, здесь мы можем ее интерпретировать не как попытку успеть сказать как можно больше (имитация быстрой речи), а напротив, как прием значимого умолчания. И еще бросается в глаза обещание прислать «специальное слово». Это создает напряженное ожидание для эпилогической части текста.

Два финальных абзаца приведены через отступ. Формально это эпилог рассказа. Однако гораздо органичнее эта часть будет звучать если мы воспримем ее как независимый текст, связанный тем не менее смысловыми линиями с основной частью. В этом случае каждое предложение финальных абзацев обретает свой комментарий из основной части. Драповое пальто, голубая рубашка, круглые очки – это уже не детали портретного описания, а символы, знаки с конвенциональным значением, смысл которых прописан в основной

части. Драповое пальто из *предсмертных* лет, голубая, *небесная* рубашка, круглые очки – *первая* деталь портрета отца, что увидела дочь, когда ее принесли из роддома и т. д.

Последний абзац начинается со слов: «Он что-то хочет сказать, но не говорит, что-то объяснить, но не объясняет» [59]. И далее последнее предложение: «Может быть, оказалось, что мир и правда сделан из меди и капустного сока...» [59]. Отец молчит, «специальное слово» не произнесено, но в нем, по крайней мере, в координатах текста уже нет необходимости. Границы, наличие которых постулируется в кульминационной части рассказа («Телу нельзя, а свету можно»), сменяется мыслью о безграничности и проницаемости мира, где (в силу его безграничности) может найтись место для чего угодно.

Завершим комментированное чтение рассказа замечанием о последнем слове текста – «любовь». В рассказе «Про отца» существительное «любовь» встречается один раз в самом конце. Собственно, весь текст можно воспринимать, как подготовку к прочтению последнего слова. Весь рассказ в этом случае можно представить в виде расходящихся концентрических кругов: первая часть, полная воспоминаний и образов, эпилог, наполненный деталями-символами, последнее слово, объясняющее саму потенцию к началу речи, произнесения рассказчицей этого эмоционального монолога.

Рассказ «Про отца» при медленном чтении вызывает сильнейший эмпатический эффект. Попробуем уменьшить масштаб и посмотреть на текст в ряду общих тенденций современной литературы 2010-х гг.

По ходу анализа нами уже были отмечены такие особенности, как бессюжетность (в привычном понимании прозаического повествования), переход Т. Толстой в «Легких мирах» к повествованию от первого лица и связанное с этим исчезновение героя как отдельной инстанции сюжета. Рассказ можно воспринять как мемуарную прозу, литературу нон-фикшн. Чувствительная тема, затронутая Т. Толстой при такой манере повествования ощущается, как исповедь, приглашение читателю заглянуть на территорию сокровенных переживаний.

В 2010-х гг. Т. Толстая стала активно развивать свои аккаунты в социальных сетях, уделять много времени ведению сетевого блога. Феномен же литературного блога способствует оживлению в современной литературе эпистолярной традиции письма. Как мы знаем, эпистолярная проза обладает свойствами лирики, способствуя созданию в прозаическом тексте инстанции подобной лирическому герою, когда текст создает впечатление присутствия естественного «я». Эпистолярность также использует эффект документальности (письмо – документ жизни) [Урнов 1975: 918–920]. Примерно в том же ключе, описывал сущность блога, например, М. Кронгауз, говоря о нем как об интимном высказывании, существующем «в публичном (то есть общедоступном) пространстве» [Кронгауз 2011: 167]. С одной стороны, такая интимность побуждает к исповедальным мотивам, с другой – интернет-специфика позволяет вести свою «исповедь» не от своего лица, а от лица придуманной маски (см., например, исследование Е. Горного о феномене виртуальной личности [Горный 2009: 211–234]).

Если в первом десятилетии XXI в. текстовый блог воспринимался как полигон для экспериментов за границами профессиональной литературы, то с конца 00-х и на протяжении второго десятилетия он становится органичной частью поля литературы. Сначала появляются писатели, генетически более близкие сетевому творчеству (самый показательный пример того времени – книги Марты Кетро), потому целые серии (например,

серия «Письм@ моих друзей»), и, наконец, писатели «бумажной» литературы стали публиковать свои блогерские записи под видом отдельных книжных изданий (Е. Гришковец «Год жизни», Б. Акунин «Любовь к истории», Н. Горланова «Повесть журнала Живаго») [Катаев 2012: 86–101].

Заключение

Помимо эпистолярной традиции, блог, в т. ч. и блог писателя, можно воспринимать как сборник малых «речевых жанров»: «это письма, записи, байки, анекдоты, кулинарные рецепты, споры с читателями, черновики будущих произведений, анонсы новых книг, любимая музыка, фотографии, опросы читателей и др. Теперь речевые жанры в блоге оказываются в соседстве с литературными текстами и воспринимаются наравне с ними» [Абашева, Максимова 2017: 105]. Интересно здесь то, что в блоге художественный текст теряет свои привычные формальные признаки. Это и не изданная книга, не публикация в толстом литературном журнале, не литературная колонка в газете или на сетевом портале. Блог – бесконечный медиатекст, пересекающийся гиперссылками с другими схожими потоками. Кулинарный рецепт здесь внешне мало чем отличается от мемуарных воспоминаний, находится с ними в одном потоке. Думается, что Т. Толстая сознательно или интуитивно использует эту особенность восприятия в своих книгах 10-х годов. Например, рассказ «Желтые цветы» из того же сборника «Легкие миры». С одной стороны – это рассказ о советском дефиците, который автор ненавидит. Но с другой – это буквально кулинарный рецепт салата мимоза, перечислением его ингредиентов заканчивается текст рассказа. Подобная синкретичность мемуаров и сугубо функционального текста (кулинарный рецепт) – вполне органична для формы сетевого блога.

Рассказ «Про отца» – это пример нового витка в авторской поэтике Т. Толстой. Сплав эпистолярности, блога, мемуаров и лирики в прозе. Здесь одинаково уместно смотрится и подробное описание старого чемодана с вещами, и сугубо разговорные вставки, и сложная авторская стилистика письма, и риторические конструкции, ориентированные скорее на произнесение, нежели на прочтение, и высокая степень интимной эмоциональности. И через эту оптику можно рассмотреть практически любой текст из сборника «Легкие миры».

Список литературы

1. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 2 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 688 с.
2. Абашева М. П., Максимова Т. О. Блог-литература как феномен: опыты Евгения Гришковца // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. № 4. С. 103–112.
3. Алгунова Ю. В., Сафонова А. С., Аксенова А. Т. Татьяна Толстая как представитель современной русской литературы постмодернистского периода // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. 2019. № 2. С. 71–77.
4. Горный Е. Виртуальная личность как жанр творчества (На материале русского Интернета) // Control + Shift. Публичное и личное в русском интернете: сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 211–234.
5. Катаев Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике: 1990–2000-е годы : дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 173 с.
6. Кронгауз М. Публичная интимность // Знамя. 2009. № 12. С. 162–167.

7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 2. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 688 с.
8. Литературная премия Студенческий Букер десятилетия [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20220307210029/http://studbooker.rsuh.ru/arhiv_2011.html. (дата обращения: 28.06.2023).
9. Лотман Ю. М., Чернов И. А. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // О русской литературе: Ст. и исслед. (1958–1993): История рус. прозы. СПб. : Искусство-СПб, 1997. С. 774–789.
10. Новикова Э. Г. Малая проза Татьяна Толстой в лингвопоэтическом аспекте : автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 23 с.
11. Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой : автореф. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 21 с.
12. Сергеева Е. А. Поэтика рассказов Татьяны Толстой: сборник «Река Оккервиль» как художественная система : автореф. ... канд. филол. н. Саратов, 2013. 18 с.
13. Толстая Т. Н. Легкие миры. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.
14. Урнов Д. М. Эпистолярная литература. Т. 8. М. : Советская энциклопедия, 1975. С. 918–920.
15. Шкловский В. Искусство, как прием // О теории прозы. М. : Федерация, 1929. С. 7–23.

References

1. Leiderman N. L., Lipovetskii M. N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950-1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950-1990]. Vol. 2, Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya» Publ., 2003, 688 p. (In Russ.).
2. Abasheva M. P., Maksimova T. O. *Blog-literatura kak fenomen: opyty Evgeniya Grishkovtza* [Blog literature as a phenomenon: experiments by Evgeniy Grishkovets]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology]. 2017, vol. 9, no. 4, pp. 103-112. (In Russ.).
3. Algunova Yu. V., Safonova A. S., Aksenova A. T. *Tat'yana Tolstaya kak predstavitel' sovremennoi russkoi literatury postmodernistskogo perioda* [Tatyana Tolstaya as a representative of modern Russian literature of the postmodern period]. *International Journal of Advanced Studies in Language and Communication*. 2019, no. 2, pp. 71-77. (In Russ.).
4. Gornyi E. *Virtual'naya lichnost' kak zhanr tvorchestva (Na materiale russkogo Interneta)* [Virtual personality as a genre of creativity (Based on the Russian Internet)]. *Control + Shift. Publichnoe i lichnoe v russkom internete* [Control + Shift. Public and private on the Russian Internet]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 211-234. (In Russ.).
5. Kataev F. A. *Russkaya proza v epokhu Interneta: transformatsii v poetike: 1990-2000-e gody* [Russian prose in the Internet era: transformations in poetics: 1990–2000s]. PhD thesis. Perm, 2012, 173 p. (In Russ.).
6. Krongauz M. *Publichnaya intimnost'* [Public intimacy]. *Znamya* [Banner]. 2009, no. 12, pp. 162-167. (In Russ.).
7. Leiderman N. L., Lipovetskii M. N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950-1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950–1990s]. Vol. 2. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya» Publ., 2003, 688 p. (In Russ.).
8. *Literaturnaya premiya Studencheskii Buker desyatletiya* [8. Literary Award Student Booker of the Decade]. (In Russ.). Available at: https://web.archive.org/web/20220307210029/http://studbooker.rsuh.ru/arhiv_2011.html. (accessed: 28.06.2023).

9. Lotman Yu. M., Chernov I. A. O sodержanii i strukture ponyatiya «khudozhestvennaya literatura» [On the content and structure of the concept of “fiction”]. *O russkoi literature* [About Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1997, pp. 774-789. (In Russ.).
10. Novikova E. G. Malaya proza Tat'yana Tolstoi v lingvopoeticheskom aspekte [Short prose Tatyana Tolstoy in the linguapoetic aspect]. PhD dissertation abstract. Tomsk, 2013, 23 p. (In Russ.).
11. Pushkar' G. A. Tipologiya i poetika zhenskoi prozy: gendernyi aspekt: na materiale rasskazov T. Tolstoi, L. Petrushevskoi, L. Ulitskoi [Typology and poetics of women's prose: gender aspect: based on the stories of T. Tolstoy, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya]. PhD dissertation abstract. Stavropol', 2007, 21 p. (In Russ.).
12. Sergeeva E. A. Poetika rasskazov Tat'yany Tolstoi : sbornik «Reka Okkervil'» kak khudozhestvennaya sistema [Poetics of Tatyana Tolstoy's stories: collection “Okkervil River” as an artistic system]. PhD dissertation abstract. Saratov, 2013, 18 p. (In Russ.).
13. Tolstaya T. N. Legkie miry [Light Worlds]. Moscow, AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ., 2014, 477 p. (In Russ.).
14. Urnov D. M. Epistolyarnaya literature [Epistolary literature]. Vol. 8, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975, pp. 918-920. (In Russ.).
15. Shklovskii V. Iskusstvo, kak priem [Art as a technique]. *O teorii prozy* [About prose theory]. Moscow, Federatsiya, 1929, pp. 7-23. (In Russ.).

Информация об авторе

Ф. А. Катаев – кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет; доцент, кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

Ph. A. Kataev – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State University; Associate Professor, Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 58–71.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 58-71.

Научная статья

УДК 811.161.1;811.111

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-58-71

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Мария Игоревна Коркина¹, Светлана Викторовна Шустова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ rozzyvetrova@gmail.com

² lanaschust@mail.ru

Аннотация. Одним из методов познания и изучения актуальных проблем языкознания является лингвистический эксперимент. Он позволяет рассмотреть определенную языковую модель в системе живого языка при помощи анализа речевой деятельности носителя этого языка. Метод ассоциативного эксперимента, выбранный нами, считается одним из эффективных методов исследования языкового сознания носителей, так как он непосредственно связан с выявлением ассоциаций, образов и идей, которые возникают в сознании информантов при упоминании слова, актуализирующего концепт. Концепт является фундаментальной идеей в лингвокультурологии и единицей концептосферы, которая представляет собой структурированную область мыслеобразов, или универсальных знаний и информационную основу мышления людей, а также проявление индивидуальных, коллективных, классовых, национальных и общечеловеческих понятий. При разработке ассоциативно-вербальных полей концептов ОТЕЧЕСТВО и FATHERLAND следует отметить их лингвокультурную значимость для носителей русского и английского языков. В русском языке концепт ОТЕЧЕСТВО многогранен. Он включает в себе не только место рождения и место жительства, но и семью, близких, теплые чувства, гордость, патриотизм, культурное достояние страны, природу и память об ушедших. У многих респондентов возникали ассоциации с войной, однако, они не придают концепту негативную коннотацию. Концепт FATHERLAND на данный момент не является актуальным среди носителей английского языка. В английском языке вместо слов *fatherland*, *motherland*, *homeland* употребляется лексема *one's country*. В основном реакции были связаны с историей, в особенности со Второй мировой войной. Именно поэтому он имеет частично негативную коннотацию, поскольку некоторые носители языка ассоциируют его с нацизмом в 1940-е годы.

Ключевые слова: концепт, русский язык, английский язык, свободный ассоциативный эксперимент, ОТЕЧЕСТВО, FATHERLAND.

Для цитирования: Коркина М. И., Шустова С. В. Репрезентация концептов ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND в сознании носителей русского и английского языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 58–71. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-58-71>

Original article

THE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND IN THE MINDS OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN AND ENGLISH

Maria I. Korkina¹, Svetlana V. Shustova²

^{1,2} Perm State National Research University, Perm, Russia

¹ rozzyvetrova@gmail.com

² lanaschust@mail.ru

Abstract. One of the methods of cognition and study of topical problems of linguistics is a linguistic experiment. It allows us to consider a certain language model in the system of a living language by analyzing the speech activity of a native speaker of this language. The method of associative experiment chosen by us is considered one of the most effective methods of studying the linguistic consciousness of native speakers, since it is directly related to the identification of associations, images and ideas that arise in the minds of informants at the mention of a word that actualizes the concept. The concept is a fundamental idea in linguoculturology and a unit of the conceptual sphere, which is a structured area of mental images, or universal knowledge and the information basis of people's thinking, as well as the manifestation of individual, collective, class, national and universal concepts. When comparing the associative-verbal fields of the concepts FATHERLAND and FATHERLAND, it should be noted their linguistic and cultural significance for native speakers of Russian and English. In the Russian language, the concept of the FATHERLAND is multifaceted. It encompasses not only the place of birth and place of residence, but also family, loved ones, warm feelings, pride, patriotism, the cultural heritage of the country, nature and the memory of the departed. Many respondents had associations with the war, however, they do not attach a negative connotation to the concept. The concept of FATHERLAND is currently not relevant among native English speakers. In English, instead of the words fatherland, motherland, homeland, the one's country lexeme is used. Most of the reactions were related to history, especially the Second World War. That is why it has a partially negative connotation, as some native speakers associate it with Nazism in the 1940s.

Keywords: concept, Russian language, English language, free associative experiment, ОТЕЧЕСТВО, FATHERLAND.

For citation: Korkina M. I., Shustova S. V. The representation of the concepts ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND in the minds of native speakers of russian and english. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:58-71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-58-71>

Введение

В 1928 г. С. А. Аскольдов-Алексеев ввел термин «концепт» в рамках лингводидактики. Концепт определяется как «мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев 1997: 23]. По мнению Д. С. Лихачева, «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [Лихачев 1999: 148].

Можно сделать вывод, что концепт является фундаментальной идеей в лингвокультурологии и единицей концептосферы, которая представляет собой структурированную область мыслеобразов, или универсальных знаний и информационную основу мышления людей, а также проявление индивидуальных, коллективных, классовых, национальных и общечеловеческих понятий.

Концепт определяют как «смысловое образование», обладающее лингвокультурной самобытностью, идентифицирующее носителей данной этнокультуры. Концепт специфичен, отражает этническое мировоззрение. Концепт также представляет собой квант знаний, которые отражают суть человеческого поведения во всей его полноте. Понятие развивается, когда словарное определение слова сталкивается с уникальным и отличительным опытом человека, а не тогда, когда термин возникает из самого его определения. Концепт многогранен и находится в культурном контексте [Маслова 2004: 36].

Концепт описывается как «культурно-ментальное языковое образование, сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2004: 824]. Концептуальное пространство характеризуется своей структурированностью по полювому принципу. Структура концепта имеет иерархическую структуру слоев. Это позволяет говорить о его потенциальной полевой структуре, поскольку в нем выделяются ядерные и периферийные области. Несмотря на то, что теория поля возникла более ста лет назад, современные ученые, тем не менее, интересуются ею. На этом этапе значение полевого метода не умалается, поскольку он наиболее тесно соответствует представлению о языке как «продукте» сознания этноса [Шафиков 2007: 7].

По мере расширения научных теорий о развитии когнитивной науки и лингвокультуры некоторые понятия, такие как «идеополе» [Гольдберг 2008: 16], «концептуальное поле», «лингвокультурное поле» [Воробьев 2008: 20] были пересмотрены и появились новые. Сложная и неповторимая картина мира формируется для каждого языка семантикой единиц таких объединений, которые представляют собой диалектическое единство языкового значения и экстралингвистического значения. При полевом подходе понятия, объединенные в данном поле, рассматриваются на основании общих признаков и характеристик. Сами поля охватывают систему соответствующих понятий истории, культуры, особенностей менталитета, национального характера, мышления и психологии того или иного народа [Моисеева 2006: 264].

В основу описания полевой организации положены данные о яркости и значимости конкретных когнитивных качеств в структуре концепта. Яркость признаков определяется частотой использования конкретных языковых единиц для номинации концепта или количеством единиц, объективирующих тот или иной когнитивный признак. Однако для получения более точных и релевантных результатов следует использовать метод лингвистического эксперимента, не ограничиваясь анализом словарей. Анализ собранных данных даст возможность выявить ядро и периферию данного концепта и сделать выводы о его положении в концептуальной системе данной культуры в настоящее время.

Сочетание экспериментальных подходов с традиционным языковым анализом дает интересные результаты; в этом случае наиболее яркими и важными аспектами той или иной концепции считаются те, которые кажутся яркими по результатам использования комплекса методов. Полевая структура концепта выстраивается на основании, прежде всего, яркости соответствующих когнитивных признаков в структуре концепта. Степень яркости, или процент респондентов, выделивших какую-либо характеристику, определяет, как когнитивные черты распределяются в зонах поля. Моделирование концепта осуществляется в несколько этапов. Когнитивные характеристики концепта, относящиеся к каждому из его структурных компонентов – изображению, информационному содержанию или

интерпретативному полю – выявляются на ранних этапах исследования, а доля каждого компонента определяется в структуре концепта. В дальнейшем для представления полевой организации концепта используется распределение обнаруженных ранее когнитивных признаков на ядерные и периферийные зоны (ближнюю, дальнюю и крайнюю). Итогом моделирования полевой организации концепта в рамках лингвистического эксперимента является словесное или графическое представление содержания концепта в виде ассоциативно-вербального поля.

Одним из методов познания и изучения актуальных проблем языкознания и лингвистики является лингвистический эксперимент. Он позволяет рассмотреть определенную языковую модель в системе живого языка при помощи анализа речевой деятельности носителя этого языка. Актуализация того или иного концепта в реальной речи помогает понять и оценить его роль в настоящее время [Шахнарович 1974: 192].

Одним из первых проблему лингвистического эксперимента поднял Л. В. Щерба. Он писал, что исследователь, построив из фактов лингвистического материала некую систему, должен «проверять ее на новых фактах, то есть смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента» [Щерба 1974: эл. ресурс].

Метод ассоциативного эксперимента, выбранный нами, считается одним из эффективных методов исследования языкового сознания носителей, так как он непосредственно связан с выявлением ассоциаций, образов и идей, которые возникают в сознании информантов при упоминании определенного слова, актуализирующего концепт. Анализ связей понятия или явления и ощущения, отношения к нему показывает языковой опыт и картину мира в сознании носителя или группы носителей [Архипова 2011: 6]. Также он помогает изучить национальную культурную специфику языковой картины мира и более глубоко понять особенности менталитета нации.

В работе моделируется ассоциативно-вербальное поле. Его структуру составляют реакции, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента. Ассоциативно-вербальное поле включает ядро (наиболее часто встречаемые ответы) и периферию (менее популярные или единичные ответы). Важно анализировать не только самые часто встречаемые, но редкие и единичные реакции, поскольку они показывают специфику ассоциативных структур.

Построение ассоциативно-вербального поля позволяет наглядно увидеть актуализацию концепта в языковом сознании носителей языка. «Ассоциативное поле – инструмент изучения концепта в национальной концептосфере при условии большого количества информантов, и в индивидуальной концептосфере, когда изучаются ассоциации отдельного человека» [Бурнаева 2011: 52].

Основная часть

Для проведения данного исследования был выбран формат свободного ассоциативного эксперимента. Эксперимент был проведен среди носителей русского и английского языков. Обе анкеты были размещены на платформе Google Forms и размещены в интернете. Русскоязычным участникам эксперимента было предложено дать свои ассоциации к слову *отечество*. В эксперименте принял участие 41 носитель русского языка. Среди

опрашиваемых было 85,7 % женщин и 14,3 % мужчин. Средний возраст информантов – от 12 до 59 лет. Большая часть опрашиваемых относится к возрастной группе от 21 до 28 лет (47,6 %), затем идет возрастная группа от 12 до 20 лет (21,4 %), далее идет возрастная группа от 29 до 47 лет (16,8 %), а наименьшее количество опрошенных относится к возрастной группе от 48 лет и старше (14,4 %).

Статистика уровня образования опрашиваемых выглядит следующим образом: 66,8 % информантов имеют высшее оконченное образование, у 26,3 % неоконченное высшее образование, а оставшиеся 7,2 % составляют информанты, имеющие среднее специальное образование, учащиеся.

В среднем нами было получено от 2 до 17 ассоциаций. Общее количество реакций – 229. Информанты не были ограничены по времени или количеству реакций. Орфография и формулировки были сохранены для чистоты эксперимента.

Носители английского языка должны были написать свои ассоциации к слову *fatherland*. В эксперименте приняло участие 10 носителей английского языка из Великобритании, Франции, Испании, Турции и Марокко.

В опросе приняло участие равное количество мужчин и женщин. Средний возраст информантов – от 24 до 41 года: 60 % опрашиваемых относятся к возрастной группе от 33 лет до 41, 40 % опрашиваемых относятся к возрастной группе от 24 до 28 лет. 90 % опрашиваемых имеют высшее образование (Bachelor's Degree, Master Degree, Doctor's Degree), 10 % опрашиваемых имеет неоконченное высшее образование.

Таблица 1. Характеристика выборки информантов

Социальная характеристика		Русскоязычные информанты		Англоязычные информанты	
		Всего	Доля (%)	Всего	Доля (%)
Пол	Мужской	6	14,3 %	5	50 %
	Женский	36	85,7 %	5	50 %
Возраст	12–20 лет	9	21,4 %	–	–
	21–28 лет	20	47,6 %	4	40 %
	29–47 лет	7	16,8 %	6	60 %
	48 лет и старше	6	14,4 %	–	–
Образование	Среднее специальное	4	7,2 %	–	–
	Незаконченное высшее	9	26,3 %	1	10 %
	Законченное высшее	29	66,5 %	9	10 %

В среднем мы получили от 1 до 6 реакций, также два информанта дали полноценные комментарии относительно их отношения к данному слову. Общее количество реакций – 24. Данный эксперимент можно рассматривать как пилотный.

На основе полученных данных были разработаны модели двух ассоциативно-вербальных полей. Анализ данных полей позволяет получить относительно объективную оценку со стороны информантов. Все ответы были систематизированы по тематике и разделены на макрополя, которые состоят из нескольких микрополей, объединенных более узкой направленностью. Такой принцип деления реакций помогает определить, какие из них относятся к ядру, то есть встречаются наиболее часто, а какие являются

индивидуальными и входят в периферию. Также это поможет выявить сферу, которая наиболее часто актуализируется в сознании носителя языка при упоминании данного концепта.

Модель ассоциативно-вербального поля концепта ОТЕЧЕСТВО имеет следующий вид.

1. Макрополе СТРАНА (60).

1.1. Микрополе ГОСУДАРСТВО: Россия (9), страна (9), государство (1), правительство (1), законы (1), правила (1), служба (1), долг (1), безграничная страна (1), СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ О. В ОПАСНОСТИ (1). Лексема *государство* имеет следующее толкование: основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры (ТСО).

1.2. Микрополе ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ: гимн (1), красный (1). Лексема *государственные символы* обозначает установленные конституцией или специальным законом отличительные знаки конкретного государства, олицетворяющие его национальный суверенитет и самобытность (БЮС).

1.3. Микрополе РЕГИОН: малая родина (3), Санкт-Петербург (1), Пермский край (1), свой край (1), родной город (1). Лексема *регион* обозначает область, район, территория, часть страны, отличающиеся совокупностью естественных или исторически сложившихся экономико-географических условий и национального состава населения (ЭСТ).

1.4. Микрополе ПРИРОДА: земля (4), родная земля (3), реки (2), просторы (2), моя земля (1), солнце (1), березы (1), зима (1), тайга (1), степь (1), небо (1), тепло (1), солнце (1), воздух (1), природа (1), красивая природа (1). Лексема *природа* имеет следующее толкование: в широком смысле – всё сущее, весь мир в многообразии его форм; понятие *природа* в этом значении стоит в одном ряду с понятиями материи, универсума, вселенной. В более узком смысле – объект науки, а точнее – совокупный объект естествознания (БСЭ).

2. Макрополе РОДНОЕ МЕСТО (66).

2.1 Микрополе РОДИНА: Родина (22), родина (5), Отчизна (6), место рождения (4), родная страна (2), родное место (2), мои корни (1), это страна, государство, где родился и живёшь (1), государство, в котором я родился (1), Земля предков (1), своя страна (1), Отчий дом (1), мое Отечество (1), Отечество родное (1), место где ты родился (1), большая родина (1), Родная страна (1). Лексема *Родина* обозначает Отечество, родная страна (ТСО).

2.2. Микрополе ДОМ: дом (10), мой дом (1), я здесь живу (1), семейное гнездо (1), Родные стены помогают (1), мои кошки и собака (1), родной дом (1). Лексема *дом* имеет следующее толкование: 1. Жилое здание, строение. 2. Место постоянного проживания человека, характеризующееся определёнными отношениями и укладом жизни (ТСЕ).

3. Макрополе ЛЮДИ (36).

3.1 Микрополе БЛИЗКИЕ ЛЮДИ: семья (7), родители (4), отец (3), мать (3), родные (4), близкие (2), мои ушедшие близкие (1), родные люди (1). Лексема *близкие* обозначает находящиеся, состоящие в прямой связи, в тесных отношениях, например, родственники, друзья (МАС).

3.2. Микрополе ЧЕЛОВЕК: народ (2), люди (2), солдаты (1), сын Отечества (1), сыны Отечества (1), ЗАЩИТНИК О (1). Лексема *человек* имеет следующее толкование: высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры. Человек – предмет изучения различных областей знания: социологии, психологии, физиологии, педагогики, медицины и др. (БСЭ).

3.3. Микрополе НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: русскость (1), многонациональность (1), генетическая память гордого народа (1). Лексема *национальность* обозначает: 1. Принадлежность к какой-л. нации, народности. 2. То же, что нация, народность (МАС).

4. Макрополе ЧУВСТВА (46). Лексема *чувства* имеет следующее определение: устойчивые эмоциональные отношения человека к явлениям действительности, отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами; высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях (БПС).

4.1. Микрополе ОТНОШЕНИЕ К СТРАНЕ: патриотизм (9), любовь (4), лучшее место в мире (1), любовь к Родине (1), Любовь к стране (1), место силы (1), национальная гордость (1), честь (1), что-то патриотичное (1).

4.2. Микрополе ЖЕЛАНИЯ И ПЛАНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО СТРАНЫ: защита (2), мир (2), защищать и стоять до конца (1), место, из которого не хочется уезжать (1), желание сделать лучше (1), счастливое будущее (1).

4.3. Микрополе ОЩУЩЕНИЯ И ЭМОЦИИ: гордость (2), единство (2), величие (1), сила (1), идеалы (1), слава (1), уют (1), тоска (1), переживание за детей и внука (1), теплота (1), забота (1), безопасность (1), благополучие (1), моя идентичность (1), мое мироощущение (1), душа (1).

5. Макрополе КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ (21):

5.1. Микрополе ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА: Родина-мать (2), Великая Отечественная Война (2), история (2), История страны (1), язык (1), Наследие (1), национальное достояние (1), дата (1). Лексема *история* обозначает: 1. Совокупность наук, изучающих прошлое человеческого общества. 2. Прошлое, сохраняющееся в памяти человечества (ТСО). Лексема *культура* обозначает совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни (МАС).

5.2. Микрополе ЛИТЕРАТУРА: Есенин (1), поэзия (1), ТИХИЙ ДОН (1), ДЫМ О (1), дым отечества (1), сладкий дым отечества (1). Лексема *литература* обозначает: 1. Произведения письменности, имеющие общественное, познавательное значение. 2. Письменная форма искусства, совокупность художественных произведений, например, поэзия, проза, драма (ТСО).

5.3. Микрополе КИНЕМАТОГРАФ: фильмы про войну (1), фильм РОДНЯ (1), фильм Освобождение (1), фильм Они сражались за Родину (1). Лексема *кинематограф* обозначает отрасль культуры и народного хозяйства, осуществляющая производство кинофильмов и показ их зрителю (МАС).

Было разработано ассоциативно-вербальное поле и выделено 5 макрополей: СТРАНА, РОДНОЕ МЕСТО, ЛЮДИ, ЧУВСТВА, КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ. Самое большое количество реакций относится к макрополям РОДНОЕ МЕСТО (66 реакций) и СТРАНА (60 реакций). Это может быть обусловлено тем, что концепт ОТЕЧЕСТВО в первую очередь вызывает у информантов ассоциации с местом их рождения и проживания. Затем идет макрополе ЧУВСТВА (46 реакций), в котором содержатся эмоциональные реакции, связанные с отношением информантов к их Отечеству. Данный концепт является эмоциональным, поэтому информанты предлагали такого рода реакции.

Наименьшее количество реакций относятся к макрополям ЛЮДИ (36 реакций) и КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ (21 реакция). Данный результат может быть связан с тем, что

лишь у небольшого количества информантов слово *отечество* ассоциируется с конкретными людьми, событиями или явлениями. Таким образом, для большинства носителей русского языка Отечество – это в первую очередь страна, где они родились и живут.

При анализе данного ассоциативно-вербального поля можно выделить ядро и периферию. К ядру относятся реакции, входящие в макрополе ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К СТРАНЕ: Родина (27 реакций), дом (10 реакций) и Отчизна (5 реакций), а также реакции, относящиеся к макрополю ГОСУДАРСТВО: Россия (9 реакций), страна (9 реакций). Из этого можно сделать вывод, что у большинства носителей русского языка концепт ОТЕЧЕСТВО связан с местом их рождения (Родина), а также с местом, где они проживают в настоящее время (дом). Как и в большинстве языков, слово Родина в русском языке имеет особое культурное значение, и его семантика включает в себе не только место, где человек родился, но и жизнь и историю как одного человека, так и всего народа.

Понятия «Родина» и «Отечество» могут считаться синонимичными и взаимозаменяемыми, однако некоторые исследователи разграничивают мужское и женское начала в этих двух понятиях. «Родина» часто ассоциируется с матерью, чувственностью и эмоциональностью, в то время как «Отечество» связано с отцом и включает в себе рациональность, долг, честь и волю [Чикаева 2017: 8].

Но наш эксперимент показывает, что большинство людей отождествляют эти понятия и актуализируют концепт ОТЕЧЕСТВО при помощи слова *Родина*. Следует отметить, что среди 27 опрошенных, указавших в реакциях понятие «Родина», 5 человек написали данное слово со строчной буквы. По орфографическим нормам русского языка, слово *Родина* пишется с прописной буквы. Таким образом, можно предположить, что информанты либо не знакомы с данной нормой, либо намеренно написали это слово со строчной буквы.

Также к ядру ассоциативно-вербального поля можно отнести реакцию патриотизм (9), которая входит в макрополе ЧУВСТВА. Данная эмоциональная оценка своего отношения к своей стране показывает, что большинство опрошенных испытывают положительные эмоции, такие как гордость и любовь, при мыслях о своем Отечестве. Следовательно, концепт ОТЕЧЕСТВО включает в себя эмоциональную коннотацию, связанную с чувствами, которые человек испытывает по отношению к месту, где он родился и живет.

К зоне ближней периферии можно отнести макрополе ЛЮДИ. Лишь у небольшого количества информантов Отечество ассоциируется с отдельными людьми: некоторые информанты указывали свою семью в качестве ассоциации, меньшее количество указывало лексемы *мать* и *отец*. Большинство предложенных информантами ответов не были связаны с людьми. Из этого можно сделать вывод, что концепт ОТЕЧЕСТВО является абстрактным и редко воспроизводится в сознании носителей языка при помощи конкретных образов. Чаще встречаются более общие ответы, такие как «семья» или «народ».

К зоне дальней периферии можно отнести макрополе КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ. В сознании носителей русского языка отсутствует прямая связь между Отечеством и культурой страны. Крайне малый процент реакций соотносится с историческими событиями либо культурными ценностями. Информанты предлагали ответы, которые имели непосредственное отношение к их реальности: место рождения, дом, страна. Также большую часть ответов составляли абстрактные понятия, такие как «патриотизм». Конкретные даты,

события или исторические лица не были упомянуты. То же самое касается культуры, лишь один информант привел названия нескольких отечественных фильмов и книг, у остальных опрошенных отсутствовали упоминания произведений или их создателей.

В заключении анализа ассоциативно-вербального поля можно сделать вывод, что для большинства носителей русского языка Отечество представляет собой возвышенное, особое понятие, которое воспринимается, скорее, как идея, а не конкретное место или событие.

Информанты давали реакции, показывающие личную значимость данного концепта для них, через призму своей жизни. Они вспоминали ощущения, которые испытывали при нахождении в месте, которое считали своим Отечеством.

И можно заключить, что данный концепт – это национальная и духовная ценность, которая является народной памятью и гордостью.

Модель ассоциативно-вербального поля концепта FATHERLAND имеет следующий вид.

1. Макрополе HOMELAND (10). Lexeme *homeland* means the country you were born in (CD).

1.1. Микрополе HOME: Home (2) , Homeland (2). Lexeme *home* have the following meanings: someone's or something's place of origin, or the place where a person feels they belong; or your own country or your own area (CD).

1.2. Микрополе ORIGINS: Origins (2), Origin land (1), roots (1), your country (1), Europe (1). Lexeme *origins* have two meanings: ancestry, parentage, birth; or conditions viewed as giving rise to something (CED).

2. Макрополе CULTURE AND HISTORY (10).

2.1. Микрополе HISTORY: history (3), War (2), World War 2 (1), Modern History (1), Germany (1). Lexeme *history* means an account of events that have happened in the past (CED).

2.2. Микрополе CULTURE: education (1), language and culture (1). Lexeme *culture* means activities such as the arts and philosophy, which are considered to be important for the development of civilization and of people's minds (CED).

3. Макрополе PEOPLE (3). Lexeme *people* means humans in general; everyone (OLD).

3.1. Микрополе CLOSE PEOPLE: family (1), your people (1).

3.2. Микрополе MEN: soldiers (1).

4. Макрополе FEELINGS (1). Lexeme *feelings* means an attitude or opinion about something (OLD).

4.1. Микрополе ATTITUDE TO THE FATHERLAND: love and attraction (1).

При анализе ответов от носителей английского языка реакции были систематизированы в макрополя. Выделено четыре макрополя. Большинство реакций относится к макрополям HOMELAND (10 реакций) и CULTURE AND HISTORY (10 реакций). Скорее всего, это обусловлено тем, что для носителей английского языка слово *fatherland* актуализирует в сознании место рождения. Также оно репрезентирует исторический аспект, поскольку в сознании носителей английского языка это слово ассоциируется с эрой германских народов [Павлова 2017: эл. ресурс]. Наименьшее количество реакций относится к макрополям PEOPLE (3 реакции) и FEELINGS (1 реакция). Мы можем сделать вывод, что для большей части носителей английского языка концепт FATHERLAND не несет в себе эмоционального аспекта. Данный концепт ассоциируется с историей и прошлым, но не с теплыми чувствами по отношению к своему Отечеству.

В данном ассоциативно-вербальном поле выделяются ядро и периферия. К ядру относятся реакции, входящие в макрополя HOMELAND Home (2), Homeland (2), Origins (2), а также реакции из макрополя CULTURE AND HISTORY: history (3), War (2). Концепт FATHERLAND вызывает ассоциации, связанные с историей и войной. Также у носителей английского языка слово *fatherland* ассоциируется с местом их рождения, корнями, происхождением. К периферии относятся остальные единичные реакции: your country (1), Europe (1), education (1), language and culture (1). У некоторых респондентов возникали такие ассоциации, как World War 2 (1), Germany (1), soldiers (1), которые имеют отношение ко Второй мировой войне. Фиксируется исторический аспект. Реакции, связанные с семьей и близкими людьми, упоминались редко. Таким образом, для носителей английского языка данный концепт имеет скорее историческое, чем патриотическое значение.

Также мы получили два полноценных комментария от носителей английского языка относительно слова *fatherland*. Они приведены ниже (орфография и пунктуация сохранены):

“Fatherland is all the things that you can relate to since childhood and that are embedded in everything we do and everything we are. Everyone should love and stand for their fatherland since it’s a part of them and at the same time they’re a part of it. You can’t escape the love and attraction towards your fatherland – despite the rise of globalism these days – it always comes back”.

“Term used by some countries to refer to the homeland of their people. In the UK this term tends to be linked it’s use by the Nazis in reference to Germany”.

В первом высказывании явно присутствует эмоциональный аспект, информант выражает свое отношение к данному слову. Для него *fatherland* ассоциируется с его жизнью и присутствует во всем, что касается его. Также опрашиваемый использует глаголы *love* и *stand for*, что говорит о его патриотизме и готовности защищать свою страну при необходимости. В заключении своего высказывания информант упоминает процесс глобализации, при котором границы между странами стираются. Однако, он отмечает, что любовь к Отечеству остается, поскольку это важная часть жизни каждого человека.

Второе высказывание более информативно, поскольку содержит общее отношение людей в ряде стран к концепту FATHERLAND. Информант утверждает, что в большинстве стран данное слово ассоциируется с Родиной или местом рождения. Однако, он отмечает, что граждане в Великобритании зачастую ассоциируют слово *fatherland* со Второй мировой войной, поскольку именно это слово использовали нацисты в фашистской Германии в своих лозунгах. Это замечание является для нас важным, поскольку оно показывает, что концепты поддаются влиянию исторических событий. До войны данный концепт ассоциировался с положительными чувствами, такими как патриотизм, однако сейчас для некоторых великобританцев он содержит негативную коннотацию, поскольку в сознании людей до сих пор присутствуют ассоциации с войной.

В заключении анализа ассоциативно-вербального поля концепта FATHERLAND нам хотелось бы отметить, что данный концепт не так часто используется сейчас в английском дискурсе. Наиболее близкой по значению с русскоязычным концептом ОТЕЧЕСТВО и подобными ему РОДИНА, ОТЧИЗНА является лексема *one’s country* [Приорова, Савченко, Фильчакова 2018: 163].

Лексема *fatherland* наиболее часто фиксируется либо в исторических и военных текстах, либо в иностранном дискурсе, поэтому не имеет большого лингвокультурного значения на данный момент.

Концепт ОТЕЧЕСТВО важен для носителей русского языка, поскольку он представляет собой не только историческую ценность, но и является частью жизни каждого человека. В русском языке концепт ОТЕЧЕСТВО многогранен. Он включает в себе не только место рождения и место жительства, но и семью, близких, теплые чувства, гордость, патриотизм, культурное достояние страны, природу и память об ушедших. У многих респондентов возникали ассоциации с войной, однако, они не придают концепту негативную коннотацию. Эти ассоциации связаны либо с памятью о тех, кто защищал свою страну, либо с желанием защищать и стоять до конца. Концепт ОТЕЧЕСТВО является важной частью русскоязычной культуры, поскольку он включает в себе как прошлое, так и будущее носителей русского языка.

Концепт FATHERLAND на данный момент не является широко употребляемым среди носителей английского языка. Как было упомянуто выше, в английском языке вместо слов *fatherland, motherland, homeland* употребляется лексема *one's country*. В результате анализа полученных нами ассоциаций и комментариев от носителей английского языка мы можем сделать вывод, что данный концепт не является важной частью языкового сознания носителей английского языка.

В основном реакции были связаны с историей, в особенности со Второй мировой войной. Именно поэтому он имеет частично негативную коннотацию, поскольку некоторые носители языка ассоциируют его с нацизмом в 1940-е гг. Однако некоторые респонденты предлагали ассоциации, связанные с семьей, любовью и домом.

В обеих культурах присутствуют ассоциации, связанные с семьей, любовью, домом и Родиной. Это объясняется тем, что для носителей русского и английского языков данные концепты соотносятся с местом их рождения (Homeland / Родина), а также к аспектам жизни, которые связывают опрашиваемых с их страной (любовь / love, семья / family, история / history). Таким образом, концепты ОТЕЧЕСТВО и FATHERLAND имеют схожие характеристики в русском и английском языках.

На периферии находятся реакции, которые являются отличительными для русской и английской культур. Носители русского языка указывали город или страну, где они родились (Россия, г. Санкт-Петербург), в то время как среди носителей английского языка ни один не указал свой родной город и страну. Один из информантов написал ассоциацию Europe, что можно объяснить тем, что жители Европы воспринимают ее как единую территорию и страну.

Также носители английского языка указывали ассоциацию origins, что можно перевести на русский язык как «жорни, истоки». В данной реакции виден исторический аспект, поскольку в концепте FATHERLAND информанты видят свое происхождение, то, откуда их история берет начало. Также можно соотнести данную реакцию с предками и семьей, поскольку происхождение связано с историей рода. Можно сделать вывод, что носители русского языка воспринимают слово *отечество* как свою родную страну, в то время как для носителей английского языка слово *fatherland* ассоциируется с их историей и происхождением.

Также на периферии мы можем видеть эмоциональные реакции от носителей русского языка, связанных с их отношением к своему Отечеству (Родная страна, патриотизм). Англоязычные участники опроса практически не давали эмоциональных реакций. Напротив, их ответы были связаны с историческим аспектом (Modern History).

В данной реакции видно, что респондент рассматривает свою страну не с эмоциональной позиции, а с более реалистичной, связанной с современной историей. Также мы получили реакцию Germany, однако ее нельзя отнести к модулю МЕСТО РОЖДЕНИЯ, поскольку респондент, предложивший нам данную ассоциацию, родом не из Германии. Следовательно, мы можем предположить, что здесь имеет место исторический аспект, который отсылает нас к истории Германии 1930-40-х годов и ко Второй мировой войне.

Заключение

В заключении сопоставительного анализа мы можем сделать вывод, что концепты ОТЕЧЕСТВО и FATHERLAND имеют как сходные, так и отличительные аспекты. Их объединяют такие характеристики, как дом, семья и место рождения. Однако носители русской и английской культур по-разному воспринимают слова-репрезентанты.

Для носителей русского языка слово *Отечество* представляет собой жизнь, патриотизм, веру в будущее и национальную гордость. Концепт ОТЕЧЕСТВО является важной частью русского языкового сознания, поскольку он включает в себе не только историю своей страны, но и настоящее время и то, что важно для каждого представителя русской культуры.

Для носителей английского языка концепт FATHERLAND является скорее историческим, поэтому они так часто ссылались на прошлое и историю. В данный момент он не используется широко в английском дискурсе, но является частью истории английского языка. Поэтому, несмотря на редкость использования, некоторые респонденты предлагали реакции, связанные с их Отечеством, памятью о прошлом и историей.

Список литературы

1. Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2011. № 11. С. 6–9.
2. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
3. Бурнаева К. А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // Lingua Mobilis. 2011. № 6. С. 51–58.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М. : Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
5. Гольдберг В. Б. Словоупотребление как реализация динамичности концептуальной сети // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (017) С. 15–24.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. 2-е изд., доп. СПб. : БЛИЦ, 1999. С. 147–165.
7. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Минск : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
8. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. 264 с.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследований / изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 824 с.

10. Чикаева Т. А. Родина или Отечество: разграничение понятий [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodina-ili-otechestvo-razgranichenie-ponyatiy> (дата обращения: 10.10.2023).

11. Шафиков С. Г. Концепты и категории в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.

12. Шахнарович А. М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. С. 191–195.

13. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Электронный ресурс]. 1974. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm> (дата обращения: 10.10.2023)

References

1. Arkhipova S. V. Assotsiativnyi eksperiment v psikholingvistike [Association experiment in psycholinguistics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of Buryat State University. Language. Literature. Culture]. 2011, no. 11, pp. 6-9. (In Russ.).

2. Askol'dov-Alekseev S. A. Kontsept i slovo [Concept and word] *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian literature. From the theory of literature to text structure]. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 267-279. (In Russ.).

3. Burnaeva K. A. Assotsiativnoe pole kak sposob modelirovaniya fragmenta yazykovogo soznaniya [Associative field as a way to model a fragment of linguistic consciousness]. *Lingua Mobilis*. 2011, no. 6, pp. 51-58. (In Russ.).

4. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya [Linguistics]. Moscow, Izd-vo RUDN Publ., 2008, 340 p. (In Russ.).

5. Gol'dberg V. B. Slovoупotreblenie kak realizatsiya dinamichnosti kontseptual'noi seti [Word usage as a realization of the dynamism of the conceptual network]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues in cognitive linguistics]. 2008, no. 4 (017), pp. 15-24. (In Russ.).

6. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of artistic creativity]. Saint Petersburg, BLITs Publ., 1999, pp. 147-165. (In Russ.).

7. Maslova V. A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku [Introduction to Cognitive Linguistics]. Minsk, TetraSistems Publ., 2004, 256 p. (In Russ.).

8. Moiseeva S. A. Semanticheskoe pole glagolov vospriyatiya v zapadno-romanskikh yazykakh [Semantic field of verbs of perception in Western Romance languages]. Belgorod, Izd-vo BelGU Publ., 2006, 264 p. (In Russ.).

9. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniy [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004, 824 p. (In Russ.).

10. Chikaeva T. A. Rodina ili Otechestvo: razgranichenie ponyatii [Motherland or Fatherland: differentiation of concepts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after. A. S. Pushkina]. 2017. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodina-ili-otechestvo-razgranichenie-ponyatiy> (accessed: 10.10.2023).

11. Shafikov S. G. Kontsepty i kategorii v lingvistike [Concepts and categories in linguistics]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 2007, no. 2, pp. 3-17. (In Russ.).

12. Shakhnarovich A. M. Lingvisticheskii eksperiment kak metod lingvisticheskogo i psikholingvisticheskogo issledovaniya [Linguistic experiment as a method of linguistic and psycholinguistic research]. *Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 191-195. (In Russ.).

13. Shcherba L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavlenii i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena and on experiment in linguistics]. 1974. (In Russ.). Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm> (accessed: 10.10.2023)

Информация об авторах

М. И. Коркина – студент, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

Korkina M. I. – Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University;

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 05.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for
publication 10.10.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 72–79.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 72-79.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-72-79

СОВОКУПНОСТЬ ПЕРСУАЗИВНЫХ ТАКТИК ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОВЫСТУПЛЕНИЙ ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА И МАРИН ЛЕ ПЕН)

Хеда Идрисовна Зармаева¹, Светлана Викторовна Шустова²

¹ Гимназия № 4 имени братьев Каменских, г. Пермь, Россия, k.zarmaeva@yandex.ru

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, lanaschust@mail.ru

Аннотация: Политическая жизнь общества волновала людей во все времена. Однако в последние несколько лет интерес к ней особенно обострился. Сегодня практически ни один радиоэфир или выпуск новостей, а тем более выход газеты или журнала, не обходится без материала, связанного с политической темой. Освещение политических событий в СМИ открывает политикам беспрецедентные возможности для воздействия на широкую аудиторию. В условиях современной действительности политический дискурс неизменно остаётся в центре исследовательского интереса многих учёных. Целью исследования является выявление особенностей стратегий и тактик, актуализируемых с помощью стилистических средств и применяемых современными французскими политиками Марин Ле Пен и Эммануэлем Макроном. Материалом для исследования послужили видеовыступления французских политиков Марин Ле Пен и Эммануэля Макрона с сентября 2022 по ноябрь 2023. Научная новизна исследования обусловлена попыткой проанализировать языковые средства, применяемые политиками в период с сентября 2022 по ноябрь 2023 гг. Изученная совокупность стратегий, тактик и языковых средств свидетельствует о широком спектре способов убеждения и склонения политиками граждан на свою сторону, а следовательно, о повышенной востребованности применения подобных стратегий и тактик современными французскими политиками. Исследование позволяет увидеть, какие конкретно языковые средства используются современными французскими политиками для убеждения избирателей и, какие стратегии и тактики они при этом применяют. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейших исследований в области политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, французский язык, политика, стратегии, тактики, стилистические средства, персуазивность, эмоционально-окрашенная лексика, Марин Ле Пен, Эммануэль Макрон.

Для цитирования: Зармаева Х. И., Шустова С. В. Совокупность персуазивных тактик для осуществления политической стратегии (на материале видеовыступлений Эммануэля Макрона и Марин Ле Пен) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 72–79. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-72-79>

Original article

A SET OF AGGRESSIVE TACTICS FOR THE IMPLEMENTATION OF A POLITICAL STRATEGY (BASED ON THE MATERIAL OF VIDEO SPEECHES BY EMMANUEL MACRON AND MARINE LE PEN)

Kheda I. Zarmaeva¹, Svetlana V. Shustova²

¹ Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers, Perm, Russia k.zarmaeva@yandex.ru

² Perm State University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. The political life of society has worried people at all times. However, in the last few years, interest in it has especially intensified. Today, almost no radio broadcast or news release, much less the publication of a newspaper or magazine, is complete without material related to a political topic. Media coverage of political events opens up unprecedented opportunities for politicians to influence a wide audience. In the conditions of modern reality, political discourse invariably remains at the center of the research interest of many scientists. The aim of the study is to identify the features of strategies and tactics actualized by stylistic means and used by modern French politicians Marine Le Pen and Emmanuel Macron. The research material was video speeches by French politicians Marine Le Pen and Emmanuel Macron from September 2022-November 2023. The scientific novelty of the study is due to an attempt to analyze the language tools used by politicians in the period from September 2022 – November 2023. The analyzed set of strategies, tactics and language tools indicates a wide range of ways for politicians to convince and persuade citizens to their side, and therefore, the increased demand for the use of such strategies and tactics by modern French politicians. The study allows us to see what specific language tools are used by modern French politicians to convince voters and what strategies and tactics they use in this case. The results obtained can be useful for further research in the field of political discourse.

Keywords: political discourse, French language, politics, strategies, tactics, stylistic means, persistence, emotionally colored vocabulary, Marine Le Pen, Emmanuel Macron.

For citation: Zarmaeva Kh. I., Shustova S. V. A set of persuasive tactics for the implementation of political strategy (based on video speeches of Emmanuel Macron and Marine Le Pen). Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:72-79. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-72-79>

Введение

Политическая жизнь общества волновала людей во все времена. Однако в последние несколько лет интерес к ней особенно обострился. Сегодня практически ни один радиоэфир или выпуск новостей, а тем более выход газеты или журнала, не обходится без материала, связанного с политической темой [Башкова 2017: 11]. Освещение политических событий в СМИ открывает политикам беспрецедентные возможности для воздействия на широкую аудиторию [Олешковская, Шустова 2022: 11]. Таким материалом является личное обращение политика к аудитории. Прямой контакт политического лидера с аудиторией направлен на то, чтобы рассказать и показать, кто они такие и что ждет граждан с укреплением их силы. Зачастую такое общение строится благодаря использованию различных стратегий.

Стратегия рассматривается как определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации [Паршина 2005: 7]. Категория персуазивности, базирующаяся на совокупности различных речевых стратегий

и тактик убеждения, является мощным и эффективным способом воздействовать на адресата сообщения, изменяя его точку зрения в угоду интересам отправителя персуазивного сообщения. Это делает персуазивную коммуникацию ценнейшим инструментом в арсенале политика [Дедюхина, Ланских 2023: 51].

По мнению А. В. Голоднова, категория персуазивности реализует «попытку воздействия адресата на реципиента с целью добиться от него принятия самостоятельного решения о необходимости, желательности либо возможности совершения действия» [Голоднов 2010: 22]. О. С. Иссерс считает, что персуазивность представляет собой совершение адресантом процедур над миропредставлением адресата, в результате чего происходит передача знаний от одного к другому [Иссерс 1999: 74–79].

Основная часть

К языковым средствам, способствующим реализации стратегий, можно отнести оценочную и эмоционально-окрашенную лексику, тропы, среди которых выделяются метафора, гипербола и эпитет [Степанова 2023: 248]. Структурируя текст определенным образом, выбирая те или иные слова, делая акцент, паузу в значимом месте, говорящий может формировать необходимое воздействие на адресата [Сереброва 2023: 868]. Специальные речевые средства воздействия представляют собой намеренное отклонение от стандартной речи с целью привлечь внимание слушателей, заставить их задуматься, увидеть многоплановость картины и в конечном счете глубже понять смысл, почувствовать образ [Чудинов 2018: 107].

О. Н. Паршина выделяет ряд персуазивных стратегий, из которых нами были отобраны охарактеризованные ниже.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Стратегия формирования эмоционального настроения адресата: тактика единения

Стратегия формирования эмоционального настроения адресата реализуется в основном в выступлениях руководителей государства, обращенных к населению страны по поводу каких-либо важных событий [Паршина 2005: 136].

Тактика единения реализует задачу объединить слушателей как «народ» [Сергеева 2004: 149]. На речевом уровне это выражается в использовании анафоры. Анафора – фигура речи, состоящая в повторении начального слова в каждом параллельном элементе речи [Ахманова 2004: 47]. Стилистический эффект анафоры состоит в том, что она придает речи выразительность, акцентирует внимание на повторяемом слове или выражении [Винокур 2021: 225].

Во время поездки на Ближний Восток 25 ноября 2023 года, Э. Макрон использует следующую анафору: *«Il s'agit aussi des ressources financières que nous avons à mobiliser pour pourvoir aux besoins à Gaza comme en Cisjordanie. Et il s'agit aussi de la protection des femmes et des hommes»* [Élysée.fr.] [Речь также идет о финансовых ресурсах, которые мы должны привлечь для помощи нуждающимся как в Газе, так и на Западном берегу Иордана. Речь также идет и о защите женщин и мужчин] (Перевод наш). Используя данное стилистическое средство, политик, таким образом, хочет объединить людей и направить все силы для помощи пострадавшим в Газе.

Во время своего выступления в городе Агд, Марин Ле Пен использует *анадиплосис*. Анадиплосис рассматривается как риторическая фигура, которая основывается на повторении конечного слова или словосочетания в предшествующей фразе и первого в последующей [Жеребило 2016: 33–34].

Так политик говорит: «*Je le dis: quand viendra l'heure du pouvoir, nous serons **prêts!** – **prêts**, parce que nous réfléchissons dans les moindres détails au projet alternatif de redressement national; – prêts, parce que nous fédérons autour de nous des Français de tout bord; – prêts, parce que nous faisons émerger la nouvelle élite dont le pays a besoin; – prêts enfin parce que nous agissons dans le cadre d'un gouvernement d'union nationale*» [Rassemblement National] [Когда пробьет час власти, мы будем готовы! – готовы, потому что детально продумываем альтернативный проект возрождения Нации; – готовы, потому что объединяем людей с каждого уголка нашей страны; – готовы, потому что формируем новую элиту, в которой нуждается Франция; – готовы, потому что действуем сообща] (Перевод наш). Используя данное стилистическое средство, политик делает акцент на сплоченности своей партии и граждан Франции.

Также М. Ле Пен использует анафорический параллелизм: «*Qu'il me soit permis de saluer ces mouvements populaires et nationaux proche de nos idées qui portent en eux la libération de l'Europe, de ses nations et de ses peuples. Qu'il me soit permis de voir dans ce grand retour des nations d'Europe le désaveu d'une Union européenne...*» [YouTube] [Позвольте мне поприветствовать политические движения, которые несут те же идеи, что и мы – идеи освобождения Европы, ее наций и народов. Позвольте мне увидеть новый старт и отрицание идей Евросоюза] (Перевод наш). Марин Ле Пен поддерживает политические движения, обращает внимание на то, что лишь объединившись, граждане смогут вернуть прежнюю независимость и славу страны.

Стратегия самозащиты: тактика оспаривания

Задача *тактики оспаривания* – не только не согласиться с предъявляемым обвинением, но и опровергнуть негативную оценку, обозначить свою позицию [Паршина 2005: 111]. К средствам манипулятивного воздействия относятся, например, восклицательные предложения и предложения с восклицательной интонацией, риторические вопросы. Восклицательные предложения выражают сильные эмоции, которые испытывает говорящий. Кроме того, это средство для привлечения внимания. Повышенный эмоциональный фон таких высказываний заставляет слушателя понять, что описываемые явления обладают особой важностью, на них нужно заострить особое внимание. Эмоциональное описание способно породить схожие эмоции у реципиента, что и входит в задачи политика [Сюткина, Химинец 2023: 34–35]. Высказываясь на тему реиндустриализации, Э. Макрон употребляет *риторический вопрос*. В выступлении политик использует такую разновидность риторического вопроса как объективизация, которая подразумевает, что автор сам дает ответ [Карамова, Силантьева 2016: 169].

«*On ne peut pas réussir la bataille pour le climat et la biodiversité par une stratégie de désindustrialisation. Pourquoi? Parce qu'en fait, on importe des produits qu'on ne choisit pas et donc on importe de modèles qui sont peut-être moins disant que nous sur le plan climatique et qui sont plus attentatoires à la biodiversité*» [YouTube] [Невозможно добиться успеха в борьбе с

изменением климата и сохранением биоразнообразия, используя стратегии реиндустриализации. Почему? Потому что мы импортируем товар, который не проходит отборку, и, следовательно, мы импортируем то, что опасно как для климата, так и для биоразнообразия] (Перевод наш), а также: «*En faisant quoi? En dépolluant les friches et en mettant à disposition des sites pré-aménagés et prêts à l'emploi*» [YouTube] [Проводить какие меры? Очистку пустырей и предоставляя заранее оборудованные и готовые к использованию места работы] (Перевод наш). Для того чтобы избежать негативной оценки своим действиям, Эммануэль Макрон, используя риторические вопросы, тем самым объясняет свою политику для граждан страны.

Стратегия дискредитации и нападения: тактика оскорбления и тактика обвинения

Цель *стратегии дискредитации* – подорвать авторитет дискредитируемого объекта, унижить его, опорочить, очернить в глазах избирателей [Паршина 2005: 84]. О.С. Иссерс отмечает, что при использовании тактики оскорбления в качестве коммуникативной задачи оскорбляющий видит унижение и осмеяние партнера [Иссерс 1999: 164]. Обвинение, как отмечает О.С. Иссерс, отличается от оскорбления тем, что не предполагает намерения унижить, уязвить, выставить в смешном виде [там же: 161]. В речи политических лидеров обвинение оппонентов или правительства – это, как правило, обличение или разоблачение [Паршина 2005: 86]. На языковом уровне тактики оскорбления и обвинения выражаются использованием *метафор* и *эпитетов*.

Так, Э. Макрон использует яркую метафору. Метафора – прием, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии [Жеребило 2016: 324].

«*En aucun cas, je ne laisserai se reproduire cette situation où, par un engrenage de déresponsabilisation, la France devient le bouc émissaire idéal*» [YouTube] [Ни при каких обстоятельствах я не допущу повторения такой ситуации, когда в результате отказа от ответственности Франция становится идеальным **козлом отпущения**] (Перевод наш). В этом случае использованная метафора подтверждает то, что Франция постоянно становится источником всех бед, но политик подчеркивает, что больше не допустит такого.

Эпитет – слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное его свойство [Кожина, Дускаева и др. 2020: 208]. Эммануэль Макрон использует следующие *эпитеты*: «*Nous entretenons ensemble depuis ces dernières années dans un moment grave* [Élysée.fr.] [В тяжелые моменты мы не перестаем поддерживать друг друга] (Перевод наш), и далее: «*En effet, vous venez de le rappeler, nous sommes en train de vivre une période éminemment sombre*» [Élysée.fr.] [По правде говоря, вы напомнили всем нам, что мы живем в мрачные времена] (Перевод наш). Политик этими словами хочет обличить лидеров государств, потому что именно из-за их действий мы и живем в мрачные времена.

Марин Ле Пен говорит следующее: «*Le peuple Français qui ait été obligé d'infliger cette cinglante leçon de démocratie à un législateur pusillanime et fuyant, à un pouvoir politique combinard et calculateur qui a toujours refusé de se saisir de la question de la représentativité*» [YouTube] [Прискорбно то, что именно французский народ был вынужден преподавать

жестокий урок демократии этому трусливому лидеру вместе с его коварным и расчетливым руководством, которые вечно убегают от проблем и отказываются решать проблемы нашего государства] (Перевод наш). В этом случае Марин Ле Пен открыто обвиняет действующего президента Эммануэля Макрона в его действиях, а также слабое правительство.

Заключение

В результате исследования установлено, что французские политики Эммануэль Макрон и Марин Ле Пен, выступая перед гражданами страны, используют следующие тактики в своих выступлениях: тактика единения, тактика оскорбления и обвинения, тактика оспаривания. Данные тактики репрезентируются при помощи таких стилистических средств, как анафора, анадиплосис, риторические вопросы, метафора, эпитеты.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
2. Башкова Д. Ю. Стратегия самопрезентации в политических текстах СМИ // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Студенческих научных чтений. Екатеринбург : ИПЦ журфака ИГНИ УрФУ, 2017. С. 11–14.
3. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2021. 320 с.
4. Голоднов А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). СПб. : Астерион, 2010. 243 с.
5. Дедюхина А. С., Ланских Д. Ю. Репертуар персуазивных речевых тактик для осуществления избранной политической стратегии // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 50–59.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : Изд-во «Омский государственный университет», 1999. 284 с.
8. Карамова А. А., Силантьева В. М. Риторический вопрос и риторическое восклицание в современном политическом дискурсе // Инновационная наука. 2016. № 3–3 (15). С. 168–170.
9. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. 8-е изд., стер. М. : Флинта: Наука, 2020. 464 с.
10. Олешковская У. А., Шустова С. В. Функции инаугурационного обращения // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 10–15.
11. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
12. Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Флинта: Наука, 2004. 328 с.
13. Сереброва О. Ф. Дискурсивные маркеры и речевые стратегии (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 3. С. 867–873.
14. Сюткина Н. П., Химинец Е. М. Экспрессивность как средство манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 29–38.

15. Степанова Н. В. Лингвостилистические средства актуализации дискредитирующих тактик в жанре американских политических дебатов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 1. С. 243–248.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 5-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. 255 с.

17. Élysée.fr. Déplacement du Président de la République en Égypte. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/10/25/deplacement-du-president-de-la-republique-en-egypte> (дата обращения: декабрь 2023).

18. YouTube. L'alternance pour la France! Discours de rentrée de Marine Le Pen à Agde. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gLPMXoX_Exs&t=1s (дата обращения: декабрь 2023).

19. YouTube. Réindustrialisation: le discours d'Emmanuel Macron. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=Hu9e9Ou8CHE> (дата обращения: декабрь 2023).

References

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 576 p. (In Russ.).

2. Bashkova D. Yu. Strategiya samoprezentatsii v politicheskikh tekstakh SMI [Self-presentation strategy in political media texts]. *Professional'naya kul'tura zhurnalista tsifrovoi epokhi: materialy Studencheskikh nauchnykh chtenii* [Professional culture of a journalist in the digital era: materials from Student Scientific Readings]. Ekaterinburg, IPTs zhurfaka IGNI UrFU Publ., 2017, pp. 11-14. (In Russ.).

3. Vinokur T. G. Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinit [Patterns of stylistic use of linguistic units]. Moscow, FLINTA Publ., 2021, 320 p. (In Russ.).

4. Golodnov A. V. Persuazivnaya kommunikatsiya: strategii i taktiki vozdeistviya (na materiale sovremennoi nemetskoyazychnoi reklamy) [Persuasive communication: strategies and tactics of influence (based on modern German-language advertising)]. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2010, 243 p. (In Russ.).

5. Dedyukhina A. S., Lanskich D. Yu. Repertuar persuazivnykh rechevykh taktik dlya osushchestvleniya izbrannoi politicheskoi strategii [A repertoire of persuasive speech tactics for the implementation of the chosen political strategy]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2023, no. 1 (97), pp. 50-59. (In Russ.).

6. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatii [Dictionary of linguistic terms and concepts]. Nazran', Piligrim Publ., 2016, 610 p. (In Russ.).

7. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Omsk, Izd-vo «Omskii gosudarstvennyi universitet», 1999, 284 p. (In Russ.).

8. Karamova A. A., Silant'eva V. M. Ritoricheskii vopros i ritoricheskoe vosklitsanie v sovremennom politicheskom diskurse [Rhetorical question and rhetorical exclamation in modern political discourse]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science]. 2016, no. 3-3 (15), pp. 168-170. (In Russ.).

9. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2020, 464 p. (In Russ.).

10. Oleshkovskaya U. A., Shustova S. V. Funktsii inauguratsionnogo obrashcheniya [Functions of the inaugural address]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 3, pp. 10-15. (In Russ.).

11. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoi politicheskoi elity Rossii [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia]. PhD thesis. Saratov, 2005, 325 p. (In Russ.).

12. Sergeeva A. V. Russkie: Stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost' [Stereotypes of behavior, traditions, mentality]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004, 328 p. (In Russ.).

13. Serebrova O. F. Diskursivnye markery i rechevye strategii (na materiale nemetskogo yazyka) [Discourse markers and speech strategies (based on the German language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2023, no. 3, pp. 867-873. (In Russ.).

14. Syutkina N. P., Khiminets E. M. Ekspressivnost' kak sredstvo manipulyativnogo vozdeistviya v politicheskom diskurse [Expressiveness as a means of manipulative influence in political discourse]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2023, no. 11, pp. 29-38. (In Russ.).

15. Stepanova N. V. Lingvostilisticheskie sredstva aktualizatsii diskreditiruyushchikh taktik v zhanre amerikanskikh politicheskikh debatov [Linguistic stylistic means of actualizing discrediting tactics in the genre of American political debates]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2023, no. 1, pp. 243-248. (In Russ.).

16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2018, 255 p. (In Russ.).

17. Élysée.fr. Déplacement du Président de la République en Égypte. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/10/25/deplacement-du-president-de-la-republique-en-egypte> (дата обращения: декабрь 2023).

18. YouTube. L'alternance pour la France! Discours de rentrée de Marine Le Pen à Agde. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gLPMXoX_Exs&t=1s (дата обращения: декабрь 2023).

19. YouTube. Réindustrialisation: le discours d'Emmanuel Macron. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=Hu9e9Ou8CHE> (дата обращения: декабрь 2023).

Информация об авторах

Х. И. Зармаева – учитель английского языка,
Гимназия № 4 имени братьев Каменских;

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

Kh. I. Zarmaeva – English Teacher,
Gymnasium No. 4 named after the Kamensky brothers;

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 80–86.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 12. P. 80-86.

Научная статья

УДК 81.25

doi: 10.24412/2713-0231-2023-12-80-86

ЛЕКСИКА ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

Юрий Николаевич Пинягин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

yu.pinyagin2011@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие при переводе лексики туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, спортивный, природоохранный и даже гастрономический. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а их читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается не только денотативная информация, но и лингвокультурная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приёмов, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде – терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл, денотативная информация.

Для цитирования: Пинягин Ю. Н. Лексика туристического дискурса как объект перевода // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 80–86. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-80-86>

Original article

TOURIST DISCOURSE LEXICON TRANSLATION

Yuriy N. Pinyagin

Perm State University, Perm, Russia, yu.pinyagin2011@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of a very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and to be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he is to have proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allow to interpret its deep structure and convey its intentional contents. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain the information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to the popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words, which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning, denotative meaning.

For citation: Pinyagin Yu. N. Tourist Discourse Lexicon Translation. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;12:80-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-12-80-86>

Введение

Туристический дискурс сегодня трактуется весьма неоднозначно, но большинством исследователей признаётся самостоятельным типом дискурса. Его появление и развитие связывают с процессом глобализации, как, в частности, отмечает М. В. Лиханов: «Повсеместная глобализация, открытие границ в конце XX в. и масштабное развитие туристической отрасли экономики сформировали новый самостоятельный тип дискурса – туристический» [Лиханов 2018: 1].

Ф. Л. Косицкая, определяет туристический дискурс как «сложноорганизованное дискурсивное образование», обращая внимание на то, что внутри этого пространства происходит взаимодействие различных подвидов туристического дискурса: «собственно-туристического, рекламно-туристического, научного, делового, дидактического, правового» [Косицкая 2013: 192–195]. Как отмечает исследователь, туристический дискурс включает в себя ещё и элементы «исторического, искусствоведческого, публицистического, кулинарного и других дискурсов» [там же].

Гибридный характер туристического дискурса признаёт и Н. В. Филатова, которая считает его «особым подвидом рекламного дискурса», хотя он имеет и собственные атрибуты [Филатова 2012: 76–82]. Н. А. Тюленева также относит туристический дискурс к подвиду рекламного дискурса, объединяющего «различные виды рекламы и туризма»; по мнению автора, целью туристического дискурса является «позиционирование и продвижение туристических услуг с помощью стратегий аргументации, которые имеют лингвокогнитивный характер» [Тюленева 2008: 7–8].

Автор статьи считает туристический дискурс самостоятельным, сложно-организованным типом дискурса, который представляет собой форму речевого взаимодействия между людьми в сфере туризма. При изучении туристического дискурса и переводе текстов, необходимо использовать экстралингвистическую и фоновую информацию, а также учитывать их жанровое разнообразие.

Книга “*Eric Hikes of the World*” издательства “Lonely Planet” (2018), главы из которой переведены и анализируются нами, является туристическим путеводителем. А путеводитель, как известно, считается важнейшим «звеном между туристом и пунктом назначения; в некоторой степени он заменяет гида и турагента» [Therkelsen, Sørensen 2005: 48–60]. Эти главы открывают читателю широкую панораму туристических направлений в пяти странах: Канаде, США, Англии, Австралии и Новой Зеландии. А кроме того, текст путеводителя представляет интерес для переводчика, которому предоставляется возможность воспользоваться всем арсеналом переводческих средств.

В ходе предпереводческого анализа мы пришли к выводу, что тексты оригинала принадлежат к научно-популярному стилю, но также включают элементы публицистического стиля. Авторы, как правило, используют разговорный стиль и пишут о своём опыте путешествий при помощи простых и лаконичных предложений. Эту особенность важно учесть при работе над переводом, чтобы сохранить стиль авторов в русскоязычном варианте текста.

Главной темой переводимой книги являются пешие походы как вид туристической деятельности. К тематическим подгруппам текста можно отнести описание природы, виды туристической активности во время походов, взаимодействие с людьми, эмоции и впечатления путешественников, а также полезные советы для туристов. Идея книги заключается в том, чтобы поделиться с читателями опытом 50 пеших походов. Вступление к путеводителю начинается с вопроса: *Why do we hike? // Почему мы ходим в походы?* Это позволяет нам сделать вывод, что коммуникативное задание авторов состоит в том, чтобы представить читателям ответы на этот вопрос и побудить их найти собственные причины для путешествий.

Основная часть

Важным аспектом туристического дискурса, как и рекламного дискурса, является категория убеждения, так как адресата необходимо привлечь и увлечь, с целью продвижения разнообразных туристических услуг [Авакова, Будняя, Айвазян 2022: 328–331]. Категория убеждения реализуется в текстах туристического дискурса через диалогизацию, или построение речевого высказывания в форме диалога, интенсификацию, то есть акцентирование внимания на деталях с использованием эмоционально-оценочной лексики, а также с помощью использования рекламных слоганов [там же].

Главными задачами перевода лингвострановедческих текстов, к которым относятся и туристические путеводители, является наиболее точное отражение картины мира оригинала и создание перевода, максимально доступного для понимания носителями языка перевода [Лукина, Пивоварова 2018: 145–148].

Следовательно, при работе с текстами туристического дискурса переводчик сталкивается с целым комплексом задач: необходимость грамотного оформления текста, отражение его лексико-тематического и информативного содержания, передача культурологических реалий и эмотивности текста, а также подбор адекватных эквивалентов в языке перевода. Всё это принято обозначать термином «переводческие трансформации» – грамматические, стилистические и лексические преобразования, с помощью которых осуществляется «переход от единиц оригинала к единицам перевода» [Комиссаров 1990: 248].

При переводе географических наименований, топонимов и имён собственных нами были использованы такие **трансформации**, как транскрипция, транслитерация и калькирование.

Приём транслитерации редко встречается в современной переводческой практике, однако он может использоваться при переводе имён исторических личностей. Например, имя *Abel Tasman* традиционно переводится как *Абель Тасман*. Транслитерация также используется при передаче давно устоявшихся наименований, перевод которых подчиняется правилам сложившейся переводческой традиции, например *Bogong* – *Богонг*.

В других случаях при передаче географических названий использовалась **транскрипция**: *Montreal* – *Монреаль*, *Mansfield* – *Мэнсфилд*, *Middlebury* – *Миддлбери*. В некоторых случаях использовался перевод, сочетающий транскрипцию и семантический перевод: *Anapai Bay* – *бухта Анапай*, *Athabasca River* – *река Атабаска*, *Jasper Town* – *городок Джаспер*.

При переводе топонимов, названия которых состоят из двух компонентов, использовался **приём калькирования**: *South Island* – *Южный остров*, *High Plains* – *Высокие равнины*, *Coast Track* – *Прибрежная тропа*.

При переводе текста путеводителя были также использованы **приёмы конкретизации**, генерализации, переводческой компенсации и описательного перевода. Например, при переводе фразы: *I've strung up my food bag*, – из контекста становится ясным, что это действие было необходимо, чтобы защитить сумку с едой от медведей. Это позволило применить приём конкретизации и добавить уточняющее словосочетание «в безопасное место»: *...not before I've strung up my food bag* – *... незадолго до этого, я повесил сумку с едой в безопасное место*.

Приём генерализации был использован при переводе авторской метафоры. В тексте оригинала автор называет реку «поручнем» или «перилами», которые помогут путешественнику не заблудиться на маршруте. При переводе было выбрано слово более широкой семантики – «ориентир», так как понятие «поручень» редко выступает в качестве метафоры в русском языке: *At the start of the walk it is no more than a handrail to stop you getting lost // В начале прогулки она красочно дополняет пейзаж, а также служит ориентиром, который не даст вам заблудиться*.

В некоторых случаях, когда в тексте встречались культурологические реалии, возникала необходимость в **переводческой компенсации**. Так, в тексте о природе Канады встретилась реалия *backyard* – ‘задний двор’, которая на первый взгляд не представляет трудности для перевода. Однако, исходя из общего смысла предложения *I haven't caught sight of any bears yet, but I know they're out there, and tonight, I'm camping out in their backyard*, получился такой вариант перевода: *Я ещё не встречал медведей, но здесь они водятся, и сегодня я разбил лагерь у них на виду*.

При переводе некоторых реалий был **использован описательный перевод**. Например, в тексте о Канаде встретилось название небольшого города Джаспер, который находится в западной части канадской провинции Альберта. Так как данное предложение находится во вступительной части главы, читателям важно представлять, в какой местности происходит действие, поэтому возникает необходимость добавления в текст перевода поясняющей информации: *The shuttle bus pulls out of Jasper and rattles into the backcountry // Маршрутный автобус выезжает из городка Джаспер на западе Канады и с грохотом направляется в глубинку страны*.

В туристическом дискурсе даётся не только описание удовольствия от путешествия, но и информация о необходимости подготовки к поездке и возможностях знакомства с достопримечательностями и культурой страны посещения. А. Франклин и М. Крэнг отмечают что: «Touristic culture is more than the physical travel, it is the preparation of people to see other places as objects of tourism...» [Franklin, Crang 2001; 10]. Как и туристический дискурс в целом, туристическая лексика обладает большим жанровым разнообразием и может использоваться не только непосредственно во время путешествия, но и на каждом этапе подготовки к нему.

Заключение

Анализ способов репрезентации типологических свойств туристического дискурса показал, что этот тип дискурса обладает полифоничностью и содержит вербальные отсылки к реалиям, аллюзиям и ценностям культуры текста оригинала, при этом отражает события исторического контекста и менталитет членов данного лингвокультурного сообщества. Кроме того, в процессе перевода возникает определенная «культурная дистанцированность», которая может быть нивелирована с помощью различного рода пояснений, экскурсов и трансформаций, используемых автором перевода.

В тексте оригинала могут содержаться мировоззренческие установки, которые вызывают у реципиента ассоциации, не запланированные автором перевода. И, наоборот, у читателя перевода может не появиться понимания коннотаций, заложенных какой-либо авторской интенцией. В этом случае переводчик должен обладать достаточной этнокультурной и лингвокультурной компетентностью, чтобы выступать в качестве эксперта в области обеих культур. Эта задача осложняется еще и тем, что туристический дискурс органично включает в себя элементы других дискурсов, обладающих своей спецификой, что доказывает его интердискурсивность. Анализ стратегий перевода текста туристического дискурса позволил нам определить наиболее эффективные переводческие трансформации, такие как транскрипция, калькирование, конкретизация и генерализация, а также описательный перевод и приём переводческой компенсации.

Список литературы

1. Авакова М. Л., Будняя О. Н., Айвазян Н. Б. Языковые особенности реализации категории убеждения в англоязычном туристическом интернет-дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5(96). С. 328–331.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М. : Высшая школа, 1990. 254 с.
3. Косицкая Ф. Л. Жанровая палитра французского туристического дискурса // Вестник ТГПУ. 2013. № 3 (131). С. 192–195.
4. Лиханов М. В. Речевой жанр экскурсионной отметки: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2018. 28 с.
5. Лукина С. Л., Пивоварова Е. Л. Особенности перевода языковых реалий: к вопросу о переводческой адекватности и эквивалентности // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 145–148.
6. Тюленева Н. А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе : автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 19 с.
7. Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 2. С. 76–82.
8. Филатова Н. В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 3. С. 41–46.
9. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.04.2023).
10. Epic Hikes of the World. Lonely Planet [Электронный ресурс]. 2018. 327 p. URL: https://books.google.ru/books?id=A1RnDwAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения 20.09.2023).
11. Therkelsen A., Sørensen A. Reading the Tourist Guidebook: Tourists' ways of reading and relating to guidebooks // Journal of Tourism Studies. Aalborg, 2005. P. 48–60.
12. Franklin A., Crang M. The Trouble with Tourism and Travel Theory? // Tourist Studies. London, 2001. № 1. P. 5–22.

References

1. Avakova M. L., Budnyaya O. N., Aivazyan N. B. Yazykovye osobennosti realizatsii kategorii ubezhdeniya v angloyazychnom turistichestkom internet-diskurse [Linguistic features of the implementation of the category of persuasion in English-language tourist Internet discourse]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2022, no. 5(96), pp. 328-331. (In Russ.).
2. Komissarov V. N. Teoriya perevoda [Translation theory]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 254 p. (In Russ.).
3. Kositskaya F. L. Zhanrovaya palitra frantsuzskogo turistichestkogo diskursa [Genre palette of French tourism discourse]. *Vestnik TGPU* [TGPU Bulletin]. 2013, no. 3 (131), pp. 192-195. (In Russ.).
4. Likhanov M. V. Rechevoi zhanr ekskursionnoi otmetki: kommunikativno-pragmaticeskii aspekt [Speech genre of excursion marking: communicative and pragmatic aspect]. PhD dissertation abstract. Kemerovo, 2018, 28 p. (In Russ.).
5. Lukina S. L., Pivovarova E. L. Osobennosti perevoda yazykovykh realii: k voprosu o perevodcheskoi adekvatnosti i ekvivalentnosti [Peculiarities of translation of linguistic realities: on the issue of translation adequacy and equivalence]. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Linguistics and Intercultural Communication]. 2018, no. 4, pp. 145-148. (In Russ.).

6. Tyuleneva N. A. Lingvokognitivnye strategii pozitsionirovaniya i prodvizheniya turistichestkikh uslug v rossiiskoi i anglo-amerikanskoi reklame [Linguistic and cognitive strategies for positioning and promoting tourism services in Russian and Anglo-American advertising]. PhD dissertation abstract. Ekaterinburg, 2008, 19 p. (In Russ.).

7. Filatova N. V. Zhanrovoe prostranstvo turistichestkogo diskursa [Genre space of tourism discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Humanitarian University. M. A. Sholokhova. Philological sciences]. 2012, no. 2, pp. 76-82. (In Russ.).

8. Filatova N. V. Turisticheskii diskurs v ryadu smezhnykh diskursov: gibridizatsiya ili polifoniya? [Tourist discourse among related discourses: hybridization or polyphony?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University]. 2012, no. 3, pp. 41-46. (In Russ.).

9. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.04.2023).

10. Epic Hikes of the World. Lonely Planet [Электронный ресурс]. 2018. 327 p. URL: https://books.google.ru/books?id=A1RnDwAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения 20.09.2023).

11. Therkelsen A., Sørensen A. Reading the Tourist Guidebook: Tourists' ways of reading and relating to guidebooks // *Journal of Tourism Studies*. Aalborg, 2005. P. 48–60.

12. Franklin A., Crang M. The Trouble with Tourism and Travel Theory? // *Tourist Studies*. London, 2001. № 1. P. 5-22.

Информация об авторе

Ю. Н. Пинягин – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

Yu. N. Pinyagin – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Linguistics and Translation Department, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 15.08.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 30.09.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ 7

Моряхина К. В.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРАШЕНИЙ
РУК ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ МЕСТНОГО
ИЗГОТОВЛЕНИЯ 7

ФИЛОЛОГИЯ 19

Даниленко Ю. Ю.

«ЖИТЬ НА РАЗЛОМЕ ЭПОХ»: ПОЭТИКА ХРОНОТОПА
В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ЛАВРЕНТЬЕВА 19

Макурина Н. А.

ПАРОДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ИНСТРУМЕНТ
ВЫСТРАИВАНИЯ УСПЕШНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ..... 27

Тюрина Д. С.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛИЗАЦИИ БИБЛЕИЗМА
“АГНЕЦ БОЖИЙ” В ЦЕРКОВНО-БОГОСЛОВСКОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ..... 39

Катаев Ф. А.

БЛОГ КАК АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ. КАК СДЕЛАН РАССКАЗ Т. ТОЛСТОЙ
«ПРО ОТЦА»..... 47

Коркина М. И., Шустова С. В.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND
В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ..... 57

Зармаева Х. И., Шустова С. В.

СОВОКУПНОСТЬ ПЕРСУАЗИВНЫХ ТАКТИК ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОВЫСТУПЛЕНИЙ
ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА И МАРИН ЛЕ ПЕН)..... 71

Пинягин Ю. Н.

ЛЕКСИКА ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА..... 79

CONTENTS

HISTORY	7
 Moryakhina K. V. TECHNOLOGICAL FEATURES OF MEDIEVAL DECORATIONS OF THE HANDS OF PERM URAL REGION AND THE POSSIBILITY OF THEIR LOCAL MANUFACTURE	 8
 HISTORY	 19
 Danilenko Yu. Yu. "TO LIVE ON THE FAULT LINE OF EPOCHS": POETICS OF CHRONOTOPE IN THE WORK OF VLADIMIR LAURENTIEV	 20
 Makurina N. A. PARODY IN THE WORK OF F. M. DOSTOEVSKY AS A TOOL FOR BUILDING A SUCCESSFUL WRITING STRATEGY	 28
 Tyurina D. S. PRAGMATIC ASPECTS OF ACTUALIZATION OF THE "АГНЕЦ БОЖИЙ" BIBLEISM IN CHURCH-THEOLOGICAL AND MEDIA DISCOURSES.....	 40
 Kataev Ph. A. BLOGGING AS AN AUTHOR'S STRATEGY. HOW T. TOLSTOY'S STORY "ABOUT FATHER" IS MADE	 47
 Korkina M. I., Shustova S. V. THE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND IN THE MINDS OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN AND ENGLISH	 57
 Zarmaeva Kh. I., Shustova S. V. A SET OF AGGRESSIVE TACTICS FOR THE IMPLEMENTATION OF A POLITICAL STRATEGY (BASED ON THE MATERIAL OF VIDEO SPEECHES BY EMMANUEL MACRON AND MARINE LE PEN)	 72
 Pinyagin Yu. N. TOURIST DISCOURSE LEXICON TRANSLATION	 80

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2023. № 12

Ответственный редактор выпуска
Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 21.12.2023.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru